

пойти навстречу требованиям индийской буржуазии. События 1920—1922 гг. подтверждают правильность этого вывода.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 318—331. 2. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 166—187. 3. Ленин В. И. Индийской революционной ассоциации. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 122. 4. Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля (II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 авг. 1920 г.). — Полн. собр. соч., т. 41, с. 241—247. 5. *Indian constitutional documents (1757—1939)*, vol. 3. 1917—1939. — Calcutta, 1946.—480 p. 6. *Indian National Congress (1920—1923)*. Being a collection of the resolutions of the Congress and of the All India Congress Committee and of the Working Committee of the Congress, from Sept. 1920 to Dec. 1923. — Allahabad, 1924.—10+351 p. 7. *Report of the commissioners appointed by the Punjab subcommittee of the National Congress*, vol. 2. — Lahore, 1920.—58 p. 8. *Sixty years of Congress*. — Lahore, 1946. — VIII+384 p. 9. *Source material for a History of the freedom movement in India*, vol. 2. — Bombay, 1958.—1015 p. 10. *Statement exhibiting the moral and material progress and conditions of India during the year 1919*. — London, 1920.—435 p. 11. *Gandhi M. K. Young India 1919—1922*. — Madras, 1924.—1471 p. 12. *The Daily Herald*, 1919, April 17. 13. *Dwarkanadas K. India's fight for freedom*. — Bombay, 1966.—480 p. 14. Девяткина Т. Ф. Организационные принципы построения партии Индийский национальный конгресс. — Экономика и история Индии и Пакистана. — М.: Наука, 1966, с. 155—167. 15. *Синх Т. Р. Кангрэс ка сарал итихас*. — Дели, 1949.—259 с. 16. *Andrews C. F., Mookerjee G. The rise and growth of the Congress in India*. — London, 1938.—304 p. 17. *Choudhary S. Growth of nationalism in India (1919—1929)*, vol. 2. — New Delhi, 1973.—639 p. 18. *Lakshman P. P. Congress and labour movement in India*, vol. 2. — Allahabad, 1947.—174 p. 19. *Majumdar R. C. History of the freedom movement in India*, vol. 2. — Calcutta, 1963.—562 p. 20. *Majumdar R. C. History of the freedom movement in India*, vol. 3. — Calcutta, 1963.—902 p. 21. *Sitaramayya B. P. The history of the Indian National Congress*, vol. 1 (1885—1935). — Bombay, 1946.—690 p.

Поступила в редколлегию 14.11.79.

Ю. А. ГОЛУБКИН, С. И. БАЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Ф. ЭНГЕЛЬСА НА РЕФОРМАЦИЮ И КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ В ГЕРМАНИИ

Реформация и Крестьянская война в Германии относятся к числу центральных событий истории позднего средневековья, привлекавших и привлекающих к себе внимание многих исследователей. Особое место в обширной библиографии этой проблемы принадлежит работам Ф. Энгельса, который впервые в исторической литературе, основываясь на принципах исторического материализма, вскрыл подлинный характер одного из крупнейших революционных движений XVI в.

Труды и высказывания Ф. Энгельса о Реформации и Крестьянской войне оказали большое влияние на дальнейшее изучение этой темы в советской и зарубежной марксистской историогра-

фии. Они неоднократно анализировались в специальных работах и исследованиях, посвященных различным аспектам истории Германии XVI в. Советские историки до середины 50-х годов основное внимание уделяли характеристике фундаментальной работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» [10; 5; 4; 11; 7; 3]. Публикация второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также дискуссия 1956—1958 гг. о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии [17; 12; 18; 2; 16] и конференция историков-марксистов ГДР в Вернигероде (январь 1960 г.) [21], положившие начало всестороннему изучению Реформации и Крестьянской войны как первой европейской буржуазной революции, способствовали более широкой интерпретации в советской историографии и историографии ГДР творческого наследия Ф. Энгельса по рассматриваемой проблеме [13; 14; 6; 9; 24—27]. Но и в работах последних лет недостаточно полно освещается вопрос об эволюции взглядов Ф. Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну в Германии. Между тем Ф. Энгельс занимался изучением этой темы с начала 40-х годов XIX в. до 1895 г. и не раз вносил существенные коррективы в свою первоначальную оценку германского революционного движения XVI в.

На наш взгляд, в исследовании Ф. Энгельсом проблемы Реформации и Крестьянской войны в Германии можно условно выделить четыре периода: начало 40-х годов XIX в. — 1848 г.; 1848—1874 гг.; 1874—1884 гг.; 1884—1895 гг. Попытаемся рассмотреть каждый из периодов, уделив особое внимание анализу взглядов Ф. Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну в Германии как первую европейскую буржуазную революцию, поскольку именно этот аспект темы интенсивно изучается современной марксистской историографией.

В течение первого периода Ф. Энгельс лишь эпизодически обращался к отдельным вопросам истории Реформации и Крестьянской войны. Особенно привлекали его внимание видные идеологи и деятели Реформации Мартин Лютер и Томас Мюнцер [1, т. 41, с. 44; 1, т. 1, с. 533—535; 1, т. 2, с. 572].

В целом революционные события первой четверти XVI в. рассматривались Ф. Энгельсом как одна из самых ярких страниц средневековой германской истории. Но в этот период он еще не совсем четко представлял себе роль крестьянства в революционных движениях средневековья. Выступая, вполне справедливо, против чрезмерной идеализации крестьянства мелкобуржуазным республиканцем Карлом Гейнценом, Ф. Энгельс в 1847 г. писал: «На протяжении последних шестисот лет города в такой мере служили очагами всех прогрессивных движений, что в своих самостоятельных демократических движениях сельское население (Уот Тайлер, Джек Кэд, Жакерия, Крестьянская война), во-первых, всякий раз держалось реакционно, а во-вторых, всякий раз подавлялось» [1, т. 4, с. 272].

Революция 1848—1849 гг. побудила Ф. Энгельса пересмотреть эту оценку выступлений средневекового крестьянства. Для решения ряда кардинальных вопросов революционной борьбы он обратился к опыту исторического прошлого. В 1850 г. была опубликована работа «Крестьянская война в Германии» [1, т. 7, с. 343—437], в которой Ф. Энгельс сопоставил Реформацию и Крестьянскую войну с революцией 1848—1849 гг., показал сходство и различия в ходе этих движений и в их результатах и на основе этого сопоставления сделал четкие выводы, имевшие большое значение для дальнейшей революционной борьбы народных масс.

С другой стороны, труд Ф. Энгельса, представлявший собой один из первых блистательных образцов применения принципов исторического материализма в конкретном историческом исследовании, внес ясность в пеструю путаницу концепций буржуазных историков Реформации и Крестьянской войны, показал пути и методы решения этой проблемы.

В то время как протестантские авторы объясняли бурные события XVI в. в Германии многовековыми злоупотреблениями католической церкви, а католические — агитацией Лютера и его сторонников, Ф. Энгельс, подчеркнув научную несостоятельность типичной для буржуазной историографии сугубо конфессиональной трактовки событий, впервые в исторической литературе вскрыл социально-экономические и политические причины Реформации и Крестьянской войны.

И протестантов, безудержно восхвалявших Лютера как «пророка божьего», «восстановителя истинного христианства», и католиков, клеймивших его как «сына дьявола», «разрушителя единства Германии», при всей несхожести их взглядов объединяло представление об определяющей роли личности реформатора на ход германских событий XVI в. Ф. Энгельс же нашел объяснение его идей и деятельности в позиции немецкого бюргерства, плотью от плоти которого был реформатор. Тем самым был разрушен характерный для буржуазной историографии культ героев и вождей. «Исторический материализм, — отмечал Ф. Меринг, — удалил окончательно со сцены как великих людей, создающих историю, так и живописные изображения исторических характеров, которые проносятся через историю в вихре благосклонности и ненависти различных партий» [8, с. 33].

Если сторонники Реставрации и феодально-католической реакции после Великой французской революции стали рассматривать Реформацию как «первоисточник всех бед», «второе грехопадение человечества» [24, с. 1174—1175], а представители реакционного романтического направления видели в ней только «упадок» [20, с. 11], то Ф. Энгельс показал огромное прогрессивное значение борьбы крестьянства, плебейской и бюргерской оппозиции против феодализма.

Идеолог прусского юнкерства Леопольд фон Ранке центром своего исследования о Реформации сделал столкновение князей с императорской властью за политическое переустройство Германии. Сочувственно относившийся к восставшим крестьянам представитель либерально-демократического направления буржуазной историографии В. Циммерман изобразил крупнейшее антифеодальное движение средневековья как борьбу «злых и добрых» [1, т. 16, с. 413]. В отличие от них, Ф. Энгельс показал, что основу бурных событий XVI в. составляла борьба классов, и глубоко проанализировал программы и тактику бюргерской умеренной, крестьянско-плебейской и реакционно-католической группировок, принимавших участие в этой борьбе.

В «Крестьянской войне в Германии» Ф. Энгельс попытался также дать общую оценку немецких событий первой четверти XVI в. Положение об их революционном характере красной нитью проходит через всю работу. Но термин «революция» использовался Ф. Энгельсом только применительно к Крестьянской войне [1, т. 7, с. 436—437]. Значение же Реформации Ф. Энгельс видел во всеобщем распространении «революционных, религиозно-политических идей», что, по его мнению, способствовало объединению всех оппозиционных элементов в Германии [1, т. 7, с. 359, 392, 397].

Давая оценку Реформации и Крестьянской войне, Ф. Энгельс в 1850 г. еще не рассматривал вопрос о европейском влиянии этих событий. По его словам, «революция 1525 г. была местным делом Германии» [1, т. 7, с. 437]. Формулируя эту мысль, Ф. Энгельс, очевидно, в известной степени следовал за К. Марксом, который в работе «Буржуазия и контрреволюция» (1848 г.) говорил как о революциях «европейского масштаба» только об английской и французской буржуазных революциях [1, т. 6, с. 115].

До 1874 г. характеристика Реформации и Крестьянской войны Ф. Энгельсом оставалась почти неизменной. Лишь отдельные моменты более широко освещены им в письме к Ф. Лассалю от 18 мая 1859 г. [1, т. 29, с. 490—496] и в «Предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» (1870 г.) [1, т. 16, с. 412—420].

В 1873—1874 гг. Ф. Энгельс приступил к изучению разнообразных экономических и статистических материалов, намереваясь написать специальный очерк по истории Германии. Об этом он сообщил в письме к В. Либкнехту от 27 января 1874 г. [1, т. 33, с. 517]. Осуществить свое намерение Ф. Энгельсу не удалось. Но до нас дошел подробный план работы, представляющий собой сжатую характеристику основных вех истории Германии с 1500 по 1815 гг. [1, т. 18, с. 571—578]. В этом плане большое внимание уделено Реформации. Здесь Ф. Энгельс впервые применил по отношению к ней термин «революция»:

«Немецкое бюргерство совершило свою революцию, которая, сообразно духу времени, проявилась в религиозной форме— в виде Реформации» [1, т. 18, с. 572]. Победоносному завершению революции, по мнению Ф. Энгельса, препятствовали противоречия между бюргерством, крестьянством и имперским рыцарством. Особенностью немецкой революции XVI в., по словам Ф. Энгельса, был ее «специфический богословско-теоретический характер», «преимущественный интерес к тем вещам, которые не от мира сего» [1, т. 18, с. 572—573].

В 1874—1884 гг. Ф. Энгельс изменил и свои прежние представления о влиянии немецких событий XVI в. Если в 1850 г. Крестьянская война рассматривалась им как «местное дело Германии», то в 1875—1876 гг. во «Введении к «Диалектике природы» он уже пишет: «Немецкая Крестьянская война прочески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом уже не было ничего нового, — но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» [1, т. 20, с. 345]. Развивая дальше мысль об исторической преемственности классовой борьбы «предшественников современного пролетариата», Ф. Энгельс во «Введении к «Анти-Дюрингу» (1876—1877 гг.) проводит линию от движения Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии к выступлению левеллеров во время английской буржуазной революции и Бабефа—во время французской буржуазной революции [1, т. 20, с. 17—18].

Таким образом, тщательно изучив немецкую историю 1500—1815 гг., Ф. Энгельс сделал новые важные выводы о характере немецких событий XVI в. и об их особой роли в истории Германии и Европы. А это натолкнуло его на мысль заново переработать и издать «Крестьянскую войну в Германии». Осуществить свой творческий замысел Ф. Энгельс неоднократно пытался на протяжении 1884—1895 гг. *. Однако многие неотложные дела и, прежде всего, подготовка к изданию «Капитала» не позволили ему завершить начатое. Поэтому охарактеризовать концепцию Ф. Энгельса на последнем этапе изучения проблемы Реформации и Крестьянской войны можно лишь на основе дошедших до нас планов и отдельных фрагментов работы. Эти подготовительные материалы и отдельные замечания в письмах свидетельствуют, что Ф. Энгельс намеревался внести в «Крестьянскую войну в Германии» существенные поправки и лишь описание событий оставить без особых изменений. Главное внимание в 1884—1895 гг. Ф. Энгельс сконцентрировал на характеристике причин Реформации и Крестьянской войны, общей оценке

* С упоминанием об этом мы встречаемся во многих письмах Ф. Энгельса [см. 1, т. 36, с. 124, 132, 202, 226, 227; т. 39, с. 85, 339—400].

этих событий и показе их роли в немецкой и европейской истории.

Содержание той части подготовленных набросков, где речь идет о причинах Реформации и Крестьянской войны в основном перекликается с написанными в 1874 г. «Заметками о Германии». Но привлечение новых материалов позволило Ф. Энгельсу, во-первых, более полно охарактеризовать процесс перехода от феодализма к капитализму в странах Западной Европы [1, т. 21, с. 406—416], во-вторых, — уточнить свои прежние представления об экономическом развитии Германии на рубеже XV—XVI вв.

В 1850 г. Ф. Энгельс считал, что предреформационная Германия по уровню своего экономического развития отставала от других стран Западной Европы [1, т. 7, с. 347]. В 1884 г. он констатировал, что «в экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран» [1, т. 21, с. 418]. И наконец, 15 сентября 1889 г. Ф. Энгельс подчеркивал: «Мне только теперь по-настоящему стало понятно... насколько добыча золота и серебра в Германии (а также в Венгрии, благородные металлы которой попадали на Запад через Германию) послужила последним толчком, поставившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации» [1, т. 37, с. 229]. Эта эволюция представлений Ф. Энгельса об экономическом развитии Германии в конце XV — начале XVI в., как показала дискуссия 1956—1958 гг., не всегда принималась во внимание исследователями.

По-разному истолковывались в литературе и высказывания Ф. Энгельса 1884—1895 гг. о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии и об европейском влиянии этих событий. Так, О. Г. Чайковская, исходя из того, что в немецком языке слова «Bürgertum», «bürgerlich» означают «бюргерство», «бюргерский» и «буржуазия», «буржуазный» [17, с. 130], утверждала, что при употреблении термина «революция» по отношению к немецким событиям 1525 г. Ф. Энгельс имел в виду не буржуазную революцию; наоборот, он якобы прямо противопоставлял бюргерство, действовавшее в 1525 г., буржуазии [17, с. 134]. На этом основании О. Г. Чайковская характеризовала Реформацию как «бюргерско-буржуазное движение». Крестьянская же война, по ее словам, «не есть составная часть буржуазной революции», а представляет собой «крестьянское восстание эпохи зарождения (только зарождения) капиталистических отношений» [17, с. 143]. По мнению А. Д. Эпштейна, Ф. Энгельс «трактовал германские события XVI в. как буржуазную революцию без буржуазии» [18, с. 127]. С этими утверждениями трудно согласиться. Ведь в 1884 г. в набросках к «Крестьянской войне» Ф. Энгельс отмечал: «Реформация — лютеранская

и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода» [1, т. 21, с. 418]. Причем, говоря о буржуазной революции № 1, Ф. Энгельс употреблял не имеющее разные толкования немецкое слово «Bürgertum», а недвусмысленный французский термин «Bourgeoisie» [19, с. 402]. На наш взгляд, в набросках к «Крестьянской войне» Ф. Энгельс подчеркивал тесную связь Реформации с Крестьянской войной и впервые рассматривал эти события как важнейшие составные моменты и этапы единого процесса раннебуржуазной революции в Германии *. Реформацию Ф. Энгельс характеризовал как единственно возможное популярное выражение общих стремлений, Крестьянскую войну — как критический эпизод революции [1, т. 21, с. 417].

Наряду с общей оценкой Реформации и Крестьянской войны Ф. Энгельс в рассматриваемом фрагменте также проследил европейское влияние этих событий. По его мнению, «революция № 1, которая была более европейской, чем английская, и стала европейской гораздо быстрее, чем французская, — победила в Швейцарии, Голландии, Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции, уже при Густаве Ваза, и в Дании» [1, т. 21, с. 417]. Исходя из этой цитаты, одни исследователи отодвигают рамки буржуазной революции № 1 до победы кальвинистской реформации в Женеве в 1535 [22, с. 1238], другие — рассматривая события Реформации в Англии и скандинавских странах, где инициатива преобразования церкви исходила от королевской власти — считают возможным выдвинуть на обсуждение тезис о раннебуржуазной революции, проводимой «сверху» («einer frühbürgerlichen Revolution von oben» [23, с. 175]. На наш взгляд, подобные утверждения искажают смысл высказывания Ф. Энгельса. При анализе цитаты, как нам представляется, необходимо учитывать диалектику содержания и формы. Под содержанием следует понимать сущность Реформации как социального переворота, а под формой — его религиозную окраску. Подчеркивая победу революции № 1 и ее значение для европейского развития, Ф. Энгельс, скорее всего, имел в виду успех новой идеологии в форме лютеранской и кальвинистской реформации, оставляя в стороне содержание Реформации как социальной революции. Причем характерно, что о распространении революционной идеологии в Швеции и Дании Ф. Энгельс говорил довольно осторожно, констатируя ее победу лишь «в известной мере», а не безоговорочно.

В дальнейшем в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886 г.) и во «Введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» (1892 г.) Ф. Энгельс, касаясь содержания и формы буржуазных

* Основываясь на работах Ф. Энгельса, С. М. Стам еще в 1954 г. выступал против отрыва Крестьянской войны от Реформации [15].

революций, отказался от мысли о тождественности воздействия лютеранства и кальвинизма на революционное движение в Европе. Остановливаясь в этих произведениях на характеристике трех крупных решающих битв против феодализма в Европе — Реформации в Германии, английской буржуазной революции и французской революции — он уже четко выделил различия в идеологии этих революций и объяснил их степенью зрелости буржуазии на разных ступенях революционного процесса. Особенность немецкой революции XVI в. Ф. Энгельс видел в том, что «бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия...» [1, т. 21, с. 314]. Именно поэтому «Лютера постигла неудача», и в конечном итоге «лютеранство стало послушным орудием в руках князей» [1, т. 22, с. 308]. Учение же Кальвина, отвечавшее «требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии» [1, т. 22, с. 308], широко распространилось в странах Европы и послужило идеологическим знаменем английской буржуазной революции. И наконец, французская буржуазия осуществила свою революцию «в нерелигиозной, исключительно политической форме» [1, т. 21, с. 315].

Таким образом, выступив в 40-х годах XIX в. с отдельными высказываниями о Реформации и Крестьянской войне, Ф. Энгельс затем подверг критике конфессионально и классово ограниченную буржуазную историографию, впервые в исторической литературе показал социально-экономические причины, вскрыл классовое содержание общественного движения, проанализировал программные требования выступавших в нем группировок, выдвинул тезис об оценке германских событий XVI в. как первой буржуазной революции и охарактеризовал ее особенности в рамках европейского революционного процесса. И поскольку первоначальная концепция неоднократно уточнялась и дополнялась, эволюцию взглядов Ф. Энгельса необходимо учитывать при дальнейшей творческой разработке проблемы Реформации и Крестьянской войны в Германии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Григорьян Ю. М. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии. — Вопросы истории, 1958, № 1, с. 123—140. 3. Демышева З. М. Развитие марксистско-ленинской историографии крестьянской войны в Германии в борьбе с буржуазной историографией: Дис ... канд. ист. наук. — М., 1954. — 358 с. 4. Ивашин И. Крестьянская война 1525 года в Германии в сочинениях классиков марксизма-ленинизма. — Учен. зап. Сverdловского пед. ин-та, 1939, вып. 2, с. 165—196. 5. Казарин А. Энгельс о Крестьянской войне в Германии. К 85-летию со дня выхода в свет книги Ф. Энгельса. — Вестн. Коммунистической академии, 1934, № 5—6, с. 130—137. 6. Каплюк В. З. Ф. Энгельс и немецкая марксистская историография Крестьянской войны в Германии. — В кн.: Ф. Энгельс и общественные науки. Томск, 1971, с. 125—129. 7. Лавровский В. М., Сказкин С. Д. Энгельс как историк крестьянской войны в Германии. — Доклады и сообщения исторического факультета Московского гос. ун-та, 1947, вып. 5, с. 21—28. 8. Мering Ф. Исторический матери-

ализм. — М.: Изд-во Всероссийского ЦИК Советов РСК и К депутатов, 1918.—61 с. 9. Немилев А. Н. Энгельс о Реформации в Германии как о «буржуазной революции № 1». — В кн.: Материалы общеуниверситетской научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса. Л., 1971, с. 53—54. 10. Неусыхин А. Ред. на кн.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — В кн.: Пролетарская революция. М.—Л., 1926, кн. 3, с. 162—163. 11. Смирин М. М. Классическое произведение по истории революционной борьбы крестьянства. — Книга и пролетарская революция, 1940, № 3, с. 23—26. 12. Смирин М. М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации. — Вопросы истории, 1957, № 6, с. 84—101. 13. Смирин М. М. Фридрих Энгельс о характере народных движений в Германии в эпоху раннебуржуазной революции 16 в. — В кн.: Энгельс и проблемы истории. Сб. статей. М.: Наука, 1970, с. 128—138. 14. Смирин М. М. Ф. Энгельс о значении крестьянской войны 1524—1525 гг. в истории Германии. — Средние века, 1962, вып. 21, с. 12—25. 15. Стам С. М. О некоторых вопросах истории реформации и крестьянской войны в Германии. — Учен. зап. Саратовского гос. ун-та, вып. историч., т. 39, 1954, с. 293—322. 16. Стам С. М. Чем же в действительности была Реформация в Германии? — Вопросы истории, 1958, № 4, с. 100—114. 17. Чайковская О. Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет. — Вопросы истории, 1956, № 12, с. 129—143. 18. Эштейн А. Д. К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции. — Вопросы истории, 1957, № 8, с. 118—143. 19. Marx K., Engels F. Werke, Bd. 21. 20. Bochmer H. Luther im Lichte der neueren Forschung. — Leipzig, 1910.—246 S. 21. Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland 1476—1535. — Berlin, 1961.—522 S. 22. Engelberg E. Zu methodologischen Problemen der Periodisierung. — ZfG, 1971, H. 10, S. 1238—1256. 23. Schilfert G. Die Revolutionen beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus. — ZfG, 1969, H. 1/2, S. 175—198. 24. Steinmetz M. Die Entstehung der marxistischen Auffassung von Reformation und Bauernkrieg als frühbürgerlichen Revolution. — ZfG, 1967, H. 7, S. 1171—1192. 25. Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.—500 S. 26. Vogler G. Marx, Engels und die Konzeption einer frühbürgerlichen Revolution in Deutschland. Ergebnisse und Probleme einer Diskussion. — ZfG, 1969, H. 6, S. 704—718. 27. Vogler G. Friedrich Engels zur internationale Stellung der deutschen frühbürgerlichen Revolution. — ZfG, 1972, H. 4, S. 445—457.

Поступила в редколлегию 14.11.79.

В. А. ДЯТЛОВ

РЕФОРМАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

В ГОРОДАХ САКСОНИИ И ТЮРИНГИИ В 1521 — 1522 гг.

В последние годы исследователи проявляют глубокий интерес к вопросу о роли различных слоев немецкого бюргерства в раннебуржуазной революции. Однако предметом специального изучения стали, главным образом, наиболее крупные города Германии. Основная же масса бюргеров проживала в небольших городках и местечках, численность населения которых не превышала двух тысяч человек [12, с. 69]. Поэтому на данном этапе еще не представляется возможным выявить общие закономерности в позиции бюргерства в раннебуржуазной революции в Германии [2, с. 211—212].

В статье сделана попытка определить характер, цели и движущие силы Реформации в небольших городах Саксонии и Тюрингии—Дебельне, Ошатце, Розвейне и Эйленбурге в 1521—1522 гг., т. е. когда в Германии наметился переход к практическому осуществлению реформационных преобразований. Первые три города принадлежали ярому противнику Реформации герцогу Георгу Саксонскому, четвертый — ее стороннику курфюрсту Фридриху Саксонскому. Поскольку города Саксонии и Тюрингии находились в зависимости от князей [13, с. 72—73], такой выбор позволяет более точно определить отношение городского населения к княжеской власти и ее политике.

При подготовке статьи были использованы официальная переписка князей, городских магистратов, материалы следствий по делам участников выступлений [3—5; 10].

В начале 16 в. в Саксонии и Тюрингии наряду с расцветом крупных торговых и промышленных центров наблюдается подъем ряда мелких и средних городов [13, с. 69]. В Дебельне, Ошатце, Розвейне, Эйленбурге высокое развитие получили ткачество, пивоварение и сельские промыслы. Экономическому развитию этих городов содействовало их выгодное расположение на крупных торговых путях [13, с. 34, 47; 17, с. 31]. Основную массу горожан составляли ремесленники, наемные рабочие, поденщики. Многие жители были заняты сельскими промыслами или земледелием [13, с. 49—50, 71—72]. Ведущую роль в этих городах играло купечество и цеховая верхушка [13, с. 17; 15, с. 19—21]. В этот период появляется также значительная часть ремесленников, не связанных с цеховым производством.

Особенности реформационного движения в саксонско-тюрингенском районе в значительной степени определялись церковной политикой князей. Герцог Георг Саксонский, ориентировавшийся в своей политике на Габсбургов, подчинил своему влиянию католическую церковь в княжестве и, прежде всего, крупные епископства Мейссенское и Мерзебургское. В ней он видел мощную опору своей власти [14, с. 21—22]. Однако такая политика герцога противоречила интересам бюргерства и плебейских масс.

Первым крупным выступлением против прокатолической ориентации Георга и засилия церкви было движение в Дебельне. В начале октября 1521 г. возник спор между советом и духовенством из-за вмешательства последнего в дела городского управления. Герцог Георг и епископ Мейссенский решительно выступили в защиту духовенства. Совет занял непримиримую позицию и признал недействительными все привилегии духовенства [13, с. 202—203, 211—212]. Этот конфликт, носивший политический характер, послужил поводом для возникновения реформационного движения в городе. Бюргерство и плебейские массы выдвинули требование о полной ликвидации католического духовенства и предприняли попытку избрать приходским

священником плотника Томаса Фишера [3, с. 220—222]. Особенно большое волнение начали проявлять крепостные и зависимые люди монастыря. Под давлением бюргерства магистрат 20 октября ввел наказание за пожертвования священникам и посещение католической службы [3, с. 203, 220]. Активные выступления бюргерства и городского совета против церкви не смогли, однако, в этот период привести к осуществлению преобразований. Идеи Реформации были еще недостаточно усвоены основной массой горожан.

Организованный и целенаправленный характер реформационное движение в Дебельне начало принимать под руководством Якова Зейдлера, прибывшего в город в начале ноября. Городской совет по настоянию общины разрешил ему проповедовать в помещении магистрата [3, с. 223—224]. В своих выступлениях Зейдлер призывал ликвидировать католическую мессу, посты, пожертвования, устранить всех священников. Зейдлер неоднократно подчеркивал, что он приверженец учения Лютера и готов до конца бороться за осуществление его дела. [3, с. 225]. Однако методы Реформации Зейдлера принципиально отличались от умеренных средств Лютера. Зейдлер поучал жителей Дебельна, что «новый порядок можно создать только силой» [3, с. 226]. Необходимость насильственных методов проведения реформ диктовалась обстановкой в землях герцога Георга, где малейшие проявления реформации жестоко преследовались властями и даже самые умеренные слои бюргерства не могли рассчитывать на союз или компромисс с герцогскими властями.

Под воздействием проповедей Зейдлера авторитет католической церкви среди основной массы населения неуклонно падал, о чем свидетельствовал массовый отказ горожан от посещения службы [3, с. 219—220]. Католическое духовенство оказалось в полной изоляции. Бюргеры не только слушали проповеди Зейдлера, но и сами агитировали за осуществление преобразований [3, с. 220, 223]. Движение в Дебельне поддерживало население окружающих деревень и некоторых городов [3, с. 221]. Вначале, когда все силы были сосредоточены на борьбе против церкви, интересы крестьян и бюргеров совпадали. По свидетельству гауптмана Мейссена, идеи Зейдлера «жители деревень повсюду принимали за истину» [3, с. 225]. Однако в это время силы крестьян были еще недостаточно организованы для самостоятельных выступлений. Проповеди Зейдлера посещали также жители Розвейна и Ошатца. Бюргеры Розвейна попытались установить связи с руководителями реформации в Дебельне, но осуществить это им не удалось [3, с. 221]. Между тем движение в Дебельне приобретало организованный характер. В городе действовал закон о наказании за посещение католической службы. В противовес церкви сторонники реформации создали так называемое «новое царство», которое представляло собой общину, организованную на принципах реформационного учения.

Проповеди и собрания «царства» проходили в ратуше только по воскресеньям, праздники были ликвидированы [3, с. 221—224]. Бюргерство без ведома совета установило строгий контроль за соблюдением этого порядка и открыто выступило против его нарушителей. В середине ноября в городе началась подготовка восстания против духовенства. Размах движения и стремление горожан полностью уничтожить католическую организацию вызвали колебания некоторой части цеховой верхушки, опасавшейся княжеских репрессий. Мастера пивоваренного цеха высказали руководителю восстания Вольфу Мейзелю опасения, что в городе «очень вознесли» Зейдлера, и «это может принести много вреда и ущерба» [3, с. 221—222]. Эти колебания сказались и на поведении совета, который старался не допустить насильственных действий против духовенства [3, с. 223—224]. Однако позиции умеренного бюргерства в Дебельне были довольно слабыми. Инициатива находилась в руках радикальной бюргерской группировки, ведущую роль в которой играли цехи ткачей, строителей и мясников. Основную массу радикальных сил составляли «простые бедные люди» [3, с. 222, 595—596].

Положение духовенства в городе было критическим, часть его перешла на сторону Реформации [3, с. 226]. Однако герцог Георг, несмотря на сопротивление, смог подавить движение. 14 человек вместе с бургомистром были посажены в тюрьму [6, с. 69]. Георг и епископ Мейссенский единодушно оценили движение, как выступление против церкви и «послушания князьям» [3, с. 227—228, 594—596].

Реформационная борьба в Дебельне содействовала подготовке движения против католической церкви в Ошатце и Розвейне. В январе 1522 г. бюргеры Ошатца создали тайную организацию для подготовки Реформации. Руководителем ее стал зажиточный бюргер Петер Бекке [3, с. 220—221]. В конце марта в городе начались открытые антикатолические выступления, организованные подмастерьями, поденщиками и наемными рабочими [3, с. 304—306, 308—310]. Особенностью этого движения было активное участие в нем крестьян, положение которых в это время резко ухудшилось [13, с. 61]. В некоторых деревнях крестьяне предпринимали попытки осуществить реформационные преобразования и участвовали в выступлениях против духовенства в самом Ошатце [3, с. 201—204, 308—309]. Епископ Мейссенский со страхом сообщал Георгу о готовящемся в этом районе восстании «против всех духовных орденов и церкви» [3, с. 294]. Однако, несмотря на рост волнений, тайная организация не смогла возглавить борьбу городских низов и сельского населения. Не найдя поддержки у совета Ошатца, лавировавшего между княжескими властями и бюргерством, она попыталась опереться на бюргерские круги других городов [3, с. 292, 298, 317]. Колебания и нерешительность бюргерской верхушки привели движение к гибели. В мае 1522 г. тайная организация

была раскрыта, наиболее активные участники движения арестованы [3, с. 298].

Одновременно развернулось движение в крупном центре ткацкого производства Розвейне, где бюргерство и плебейские массы использовали Реформацию для освобождения от засилия католической церкви и княжеских властей. В апреле 1522 г. все цехи ткачей отказались платить подати крупному аббатству в Альтцелле под Розвейном и приняли постановление о введении Реформации; духовенство и княжеская администрация были изгнаны из города [3, с. 313—314]. Бюргерство наотрез отказалось выполнить требования Георга продолжить выплату повинностей и выдать участников выступлений. В городе поднялось восстание против княжеских сил, прибывших для подавления движения. Толпы вооруженных людей изгнали их из города. Движением в Розвейне руководило зажиточное бюргерство во главе с городским советом [3, с. 328—329]. Герцог Георг в послании совету и общине Розвейна, а также герцогу Генриху Саксонскому указывал, что горожане путем Реформации хотят освободиться от его власти [3, с. 329, 354]. Георг вынужден был пойти на уступки. В результате город освобождался от уплаты податей аббатству, однако присуждался к штрафу за восстание против княжеских властей [3, с. 333].

В реформационном движении в Дебельне, Ошатце и Розвейне не было выдвинуто социально-экономических требований. Это можно объяснить тем, что все силы движения были сосредоточены в борьбе против мощной католической организации, опиравшейся на княжеские власти.

Попытки связать проведение религиозных преобразований с решением социально-экономических проблем были предприняты в Эйленбурге. Распространение реформационного движения проходило здесь в более благоприятных условиях. Курфюрст Фридрих Саксонский был недоволен засилием католической церкви в своих землях, фактически независимой от его власти [16, с. 5—6, 35—36]. В Реформации курфюрст видел средство ослабить католическую церковь и захватить часть ее земель и богатств.

Движение в Эйленбурге развивалось под непосредственным руководством со стороны реформационного центра в Виттенберге. По заданию руководителя движения в Виттенберге Андреаса Карлштадта 24 декабря 1521 г. в Эйленбург прибыл известный проповедник Габриэль Цвиллинг [4, с. 15]. Католическое духовенство и представители княжеской администрации, опасаясь восстания, выступили против предоставления Цвиллингу права проповедовать в городе [5, с. 327]. Однако Цвиллинг при поддержке населения 25 декабря начал выступать с проповедями. Более 130 человек в этот день приняли причастие под обоими видами [19, с. 206—208]. В последующие дни Цвиллинг постоянно проповедовал в различных местах Эйленбурга. Тре-

бования, выдвинутые им, в целом не выходили за пределы реформационной программы Лютера. Он отвергал католическое духовенство и богослужение, призывал уничтожить все религиозные братства [5, с. 327—329]. Цвиллинг не ограничился только требованием церковного переустройства, но и выступил за проведение ряда социальных преобразований. Он призвал бюргерство ликвидировать нищенство в городе и устранить все религиозные праздники [5, с. 328].

Цвиллинга поддерживали бюргерские и плебейские массы. 25 декабря он участвовал в собрании бюргеров, которое решало вопросы проведения реформационных преобразований в городе. Большинство участников собрания составляло среднее и изжиточное бюргерство, которое в данный период играло решающую роль в движении [5, с. 329]. В городе был установлен порядок, согласно которому все дни недели люди должны были работать и только в воскресенье приходить в церковь [8, с. 124—125]. Его целью было утверждение принципа бюргерского аскетизма, «весь секрет которого состоит в буржуазной бережливости» [1, с. 378]. Так же, как и в Дебельне, бюргерство Эйленбурга строго следило за соблюдением принятого порядка. 29 декабря толпа горожан заставила священников прекратить служение мессы. На воротах приходской церкви была вывешена листовка, в которой содержался приказ об удалении приходского священника из города, если он не начнет проповедовать Евангелие. Единственным законным священником Эйленбурга признавался Цвиллинг. В листовке указывалось, что жители будут «все сообща следить за соблюдением истинной веры Христа» [5, с. 329].

1 января все население Эйленбурга присутствовало на проповеди Цвиллинга. Свыше 300 человек приняли причастие под обоими видами [4, с. 1]. Однако, несмотря на то, что за утверждение Реформации в городе стояло большинство населения, городские власти ее официально не признали. Совет Эйленбурга, в условиях запрета курфюрстом проведения реформационных преобразований [11, с. 319], не решился утвердить нововведения, за которые боролись горожане. В этот период наметился поворот в деятельности Цвиллинга. В декабрьских проповедях он уже не призывал к открытой борьбе против церкви, а убеждал мирян отказаться от поддержки католического духовенства, не прибегая к насилию. Надежду на введение реформации он возлагал на городские власти [10, X, с. 55—56]. Однако ввиду нерешительности совета и усиления активности народных масс, способных осуществить реформы, он выдвинул тезис о проведении реформ, невзирая на запреты властей. В проповедях он смело заявил, что «новая вера должна быть в ближайшее время всеми господами Саксонии принята с любовью или в страданиях» [11, с. 426—427].

В начале января инициатива в движении начала переходить к плебейским и радикально настроенным слоям бюргерства, состоявшим большей частью из ремесленников, мелких торговцев, подмастерьев и наемных рабочих [10, X, с. 57—58]. Важную роль в движении стали играть крестьяне. 11 января совет Эйленбурга в донесении курфюрсту указал на опасное развитие движения из-за того, что образовался «раскол на словах и на деле среди простого народа в городе и окрестных местах» [10, IX, с. 360]. Мелкобюргерские и плебейские массы развернули борьбу не только за полную ликвидацию католической церкви; в городе стали устранять цехи, гильдии и корпорации. Последнее не было предусмотрено программой Цвиллинга. Это свидетельствовало о самостоятельной, творческой роли народных масс, которые стремились связать реформацию с проведением социально-экономических преобразований.

12 января жители устроили погром приходской церкви в Эйленбурге. Из нее выбросили иконы и алтари, а священников изгнали из города [10, X, с. 62]. Фактически католическая организация в городе была полностью ликвидирована. Открытые выступления послужили поводом городским и княжеским властям для репрессий. Движение было подавлено. 13 его наиболее активных участников были посажены в тюрьму. Цвиллинг, скрываясь от преследований, возвратился в Виттенберг [10, X, с. 62—63].

В середине января Цвиллинг направил совету Эйленбурга письмо, в котором обвинил его в предательстве народа и в стремлении связать реформацию с интересами князей. Послание дает представление о сформировавшейся идеологии радикально-бюргерского течения Реформации. В центре внимания Цвиллинга был вопрос о путях и методах проведения реформ. В первую очередь Цвиллинг отбросил тезис о возможности проведения реформ духовенством во главе с папой, поскольку Евангелие в первую очередь направлено против них [10, X, с. 52]. Он отверг также надежду на то, что Реформация может быть осуществлена имперскими властями, так как сам император был тесно связан с папой и не заинтересован в проведении реформ. Цвиллинг, опираясь на опыт движения, разоблачил утверждение, что реформы могут быть проведены князьями. Он считал, что князья не только не стремились выступить за проведение преобразований, но и «сами предали дело Христа и помогают убивать веру» [11, с. 52]. Этот пункт послания направлен против политики Фридриха Саксонского, который, стремясь использовать движение в своих интересах, запретил проведение реформ силами народа. По мнению Цвиллинга, в создавшейся обстановке, «когда власти не желают принимать Евангелие, их можно не слушаться, поскольку такое непослушание не направлено против бога» [10, X, с. 53]. Цвиллинг также оправдывал насильственные средства борьбы, поскольку к этому «вынуждают прибегать па-

па, епископы и другие враги Евангелия» [10, X, с. 53]. Этот тезис был направлен против заявления Лютера о послушании властям даже в том случае, если они выступают против Евангелия» [7, с. 47—49]. Цвиллинг стремился обосновать положение, что городские и сельские власти должны возглавить движение и не передавать Реформацию в руки князей [11, с. 55—56]. Заявление о непослушании князьям и оправдание насильственных методов в проведении преобразований было одним из важнейших пунктов радикально-бюргерской Реформации. В послании Цвиллинга идея проведения Реформации силами народа, высказанная еще в начале января, получила полное обоснование и завершение.

Движение в Эйленбурге, Виттенберге и других городах нанесло сильный удар по политике курфюрста, проводимой им в отношении Реформации. В данной ситуации даже те князья, которые поддерживали Реформацию, могли переменить свое отношение к ней [6, с. 73]. Осуществление на практике идей Цвиллинга могло привести к полной потере контроля княжеских властей над реформационным движением.

Таким образом, в реформационном движении 1521—1522 гг. начали формироваться радикально-бюргерские группировки. Идеологической основой движения в городах явилось учение Лютера, однако радикальные силы стремились осуществить его насильственными методами. Радикально-бюргерское течение в саксонско-тюрингенском районе не имело твердого руководства со стороны крупного бюргерства, которое часто проявляло колебания и нерешительность. Движущими силами реформации были плебейские слои населения, мелкое, среднее и частично крупное бюргерство. В этот период в некоторых городах плебейские и мелкобюргерские слои проявили способность возглавить движение и связь его с борьбой за социально-экономические преобразования. Крестьянские выступления носили в этот период стихийный характер и были подчинены движению в городах.

Реформационное движение в 1521—1522 гг. носило антифеодальный и антикатолический характер. Оно было направлено против реакционной политики герцога Георга, видевшего основу своей власти в сохранении католической церкви, и против стремления курфюрста Фридриха Саксонского использовать Реформацию в своих целях. В обоих случаях движение было направлено на ограничение княжеского мелководержавия. Часть крупного бюргерства в городах курфюршества стремилась провести реформацию в союзе с княжескими властями, что усилило раскол внутри движения.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.*, Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 327—415. 2. *Проблемы исследования феодализма в историографии ГДР, 1970—1975.* — Средние века, 1978, вып. 42, с. 182—218. 3. *Akten und Briefe zur Kirchenpolitik Herzog Georgs von Sachsen.* Bd. 1, Hrsg. von F. Gaß. — Leipzig, 1905.—848 S. 4. *Aktenstücke zur*

Wittenberger Bewegung. Anfang 1522. Hrsg. von H. Barge. — Leipzig, 1912.—47 S. 5. *Die Älteste Bericht über die Zwickauer Propheten.* — Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. V, H. 2, Gotha, 1881, S. 323—333. 6. *Der Kursächsischen Rates Hans von der Planitz Berichte aus dem Reichsregiment in Nürnberg 1521—1523* Bearb. von H. Virk. — Leipzig, 1899.—630 S. 7. *Luther M. Eine treue Vermahnung zu allen Christen sich zu verhüten vor Aufruhr und Empörung.* — EA, Bd. 22, 1833, S. 43—59. 8. *Neue Aktenstücke zur Geschichte der Wittenberger Unruhen von 1521—1522.* — Zeitschrift für Kirchengeschichte, Gotha, Bd. 22, H. 1, 1901, S. 121—126. 9. *Die Reformation in Augenzengenberichten.* Hrsg. von H. Junghans. — Düsseldorf, 1967.—469 S. 10. *Die Reformationen* Versuch des Gabriel Didymus in Eilenburg und seine Folgen 1521—1525. — Archiv für Reformationsgeschichte 9jg., Leipzig, 1912, S. 360—362; 10jg., Leipzig, 1913, S. 51—69. 11. *Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522.* — Archiv für Reformationsgeschichte, 6jg., Leipzig, 1909, S. 161—226, 261—325, 385—469. 12. *Blaschke Karlheinz.* Bevölkerungsgeschichte von Sachsen bis zur industriellen Revolution. — Weimar, 1967.—244 S. 13. *Blaschke Karlheinz.* Sachsen im Zeitalter der Reformation. — Gütersloh, 1970. — 187 S. 14. *Dittrich Paul.* Die Meissener Diözese unter der Kirchenpolitik der Landesherren des 16 und 17 Jahrhunderts. — Leipzig, 1961.—184 S. 15. *Die Kirchenorganisationen in den Bistümern Meissen, Marseburg und Maumburg um 1500.* — Weimar, 1979. — 104 S. 16. *Kirn Paul.* Friedrich der Weise und die Kirche. — Leipzig, 1926.—179 S. 17. *Kunze Arno.* Der Frühkapitalismus in Chemnitz. — Karl — Marx — Stadt, 1958.—178 S.

Поступила в редколлегию 12.11.79.

А. К. ДЕГТЯРЬ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В раннем средневековье на территории лесостепной части бассейна Сев. Донца одновременно проживали различные этнические группировки, отличавшиеся способом ведения хозяйства и культурой.

В настоящее время в верховьях Сев. Донца хорошо исследованы археологические культуры — салтово-маяцкая и роменская, существовавшие в VIII—X вв.

Памятники салтово-маяцкой культуры представлены укрепленными городищами, открытыми селищами, расположенными около городищ или недалеко от них, и могильниками [24, с. 3—20; 14, с. 149—150; 15, с. 102—140; 18, с. 97—99; 34, с. 37—140]. Это культура времени расцвета Хазарского каганата, объединившего разные в этническом отношении племена.

В результате исследования могильников этой культуры выявлены два типа погребального обряда и погребальных сооружений. Первый тип — погребения с труположением в катакомбах, был исследован в Верхнесалтовском [28, с. 465—492; 32, с. 41—54] и Дмитровском [26, с. 73—90] могильниках. Погребения второго типа — труположения в прямоугольных ямах, были исследованы в степной части бассейна Сев. Донца в могильнике у с. Зливки [8, с. 174—450]. Впоследствии этот обряд

был обнаружен в лесостепи у В. Салтова [5, с. 22; 3, с. 427], на Дмитровском могильнике [26, с. 94] и в других местах по Сев. Донцу и Осколу [27, с. 297; 18, с. 97—99], что свидетельствует о передвижении населения из степи в лесостепь и размещении его рядом с носителями катакомбного обряда погребения.

В археологической науке установлено, что катакомбный обряд погребения принадлежал аланским племенам [9, с. 86; 14, с. 146; 2, с. 356], а ямный — древним болгарским племенам [14, с. 147; 26, с. 98; 27, с. 297]. Представители этих племен жили на одной территории в верховьях Сев. Донца, создав своеобразную культуру с хорошо развитым кочевым и полукочевым хозяйством и ремесленным производством.

В это же время на территории лесостепи распространились памятники роменской культуры, которую принято считать славянской. Поселения этой культуры расположены по берегам Сев. Донца и его притоков рядом с поселениями салтовской культуры. Некоторые из них хорошо исследованы [37, с. 292—315; 15, с. 56—59, 90, 138—141, 258—260]. Между оседлым земледельческим населением — роменской культуры и населением салтовской культуры устанавливаются определенные контакты и отношения [14, с. 147; 25, с. 83—94; 6, с. 45—60].

Таким образом, в верховьях Сев. Донца существовали различные в этническом отношении и материальной культуре группы оседлого, кочевого и полукочевого населения.

Однако в этом регионе есть памятники раннего средневековья, характер которых до настоящего времени остается невыясненным. Один из них — могильник у с. Новопокровка Чугуевского р-на Харьковской обл, об этнической принадлежности которого в советской археологической науке высказываются различные мнения.

Могильник был открыт И. Ф. Левицким в 1936 г. В этом же и следующем 1937 г. он исследовал 14 погребений могильника.

К сожалению, материалы раскопок не сохранились. В 1949 г. исследования могильника продолжил Ю. В. Кухаренко. Он раскопал оставшиеся неразрушенными погребения и два комплекса вещей, которые содержали предметы вооружения и конского снаряжения [12, с. 33—50].

Могильник располагался на левом берегу р. Уды, притоке Сев. Донца, на песчаной дюне юго-восточной окраины села. Были раскопаны шесть погребений с трупосожжениями. По наблюдениям Ю. В. Кухаренко обряд погребения происходил следующим образом: тело умершего сжигали за пределами могильника, затем собирали остатки кремации и ссыпали в заранее подготовленную яму. Погребальные ямы были как прямоугольной, так и круглой формы и имели корытообразный профиль. Размеры ям прямоугольной формы составляли: ширина 0,8—1,35 м, длина 1, 20—1,40 м, глубина до 0,30 м; диаметр ям круглой формы достигал 2 м [11, с. 102—103; 12, с. 34—36]. Остатки кре-

мации не вмещались в погребальные ямы и выходили за их пределы, образуя зольные пятна, в отдельных случаях достигавшие 4 м в диаметре [11, с. 103; 12, с. 36]. На поверхности могильника не было замечено никаких насыпей или каких-либо других надмогильных сооружений, т. е. он был грунтовой.

Вещи, найденные в погребениях, были повреждены огнем, что свидетельствовало о сожжении покойного в полном снаряжении. В погребениях и около них найдены фрагменты гончарных и лепных сосудов. Около некоторых погребений были обнаружены тайнички, содержащие украшения, предметы вооружения и быта, также поврежденные огнем [11, с. 103].

Кроме погребений обнаружены два комплекса вещей, находившихся в неглубоких ямках на значительном расстоянии от погребений. В них входили предметы вооружения (сабли, боевые ножи, наконечники копий и стрел) и предметы конского снаряжения (железные удила с псалиями в виде стилизованной лошадиной головы, стремяна, железные пряжки от узды). Пережженных костей человека не обнаружено, но все предметы были обожжены, а сабли согнуты пополам [11, с. 105—106; 12, с. 36—39].

Время существования могильника определено Ю. В. Кухаренко на основе анализа вещей, найденных в погребениях и комплексах. Исследователь датирует могильник VII—VIII вв., но допускает возможность его существования и в VI в. [11, с. 107; 12, с. 48]. Анализируя керамику могильника, он обращает внимание на то, что гончарная керамика в нем представлена двумя группами—черняховской и салтово-маяцкой. Лепная керамика отличается грубостью выделки и большим содержанием шамота. Формы ее банкообразные. Она встречается в погребениях как с черняховской, так и с салтовской керамикой. Кроме того, исследователь отмечает, что салтовская керамика чем-то напоминает черняховскую, т. е. она не настоящая салтовская, а переходная [11, с. 105; 12, с. 46—48]. Такая же смесь гончарной керамики наблюдается и на исследованном Ю. В. Кухаренко поселении, расположенном в километре севернее могильника [12, с. 46—47]. Вещи, входящие в комплексы, аналогичны предметам салтовской культуры и датируются VIII в. (по мнению автора, первой его половиной) [12, с. 48].

Кому же принадлежали погребения, раскопанные на Новопокровском могильнике?

Ю. В. Кухаренко считает, что обряд погребения полностью славянский (бескуртанный обряд кремации, обычай сгибать оружие), но такие признаки, как тайнички около погребений, а также оружие и снаряжение коня свидетельствуют о каких-то связях славян со степными племенами, возможно аланами [11, с. 107]. В погребальном обряде могильника автор видит дальнейшее развитие погребального обряда культуры полей погребений

[12, с. 49]. Возможно, что этот могильник принадлежал древним русам [11, с. 107].

Нами подробно разобраны все выводы исследователя могильника, поскольку на них базируются все остальные взгляды относительно культурной и этнической его принадлежности. Ю. В. Кухаренко не смог с уверенностью определить, к какой культуре относится этот памятник. Все его выводы не выходят за рамки предположений. В настоящее время в археологической науке существует несколько мнений относительно характера могильника, которые в основном сводятся к двум утверждениям— славянский или неславянский этот и ему подобные памятники.

Н. Я. Мерперт в работе «О генезисе салтовской культуры» обращает внимание на связь типа погребений Новопокровского могильника с культурой полей погребений черняховского типа и полагает, что это результат взаимодействия сарматской и черняховской культур [16, с. 23]. Больше того, он датирует этот памятник V—VII вв. [16, с. 23—26], но комплексы вещей относит к VIII в. [16, с. 26]. По мнению исследователя, это свидетельствует о том, что вместе с сармато-аланским культурным элементом в состав салтово-маяцкой культуры вошли элементы, связанные с культурой полей погребений [16, с. 26—27]. Подобное мнение высказал и А. П. Смирнов. Однако он полагал, что это славянский памятник, связанный с полями погребений черняховского типа, только «это уже не черняховская культура, а какая-то другая» [33, с. 273]. Какая именно культура, А. П. Смирнов не уточнил.

Б. А. Рыбаков высказался в пользу славянской принадлежности Новопокровского могильника. Комплексы вещей исследователь считает погребениями дружинников-северян [29, с. 14]. В другой своей работе, посвященной древним русам, Б. А. Рыбаков уже относит эти комплексы к древним русам-дружинникам [30, с. 103]. В этом с ним согласен и А. П. Смирнов [33, с. 273].

Более осторожно высказывался И. И. Ляпушкин. Он полагал, что этот памятник значительно сложнее, чем мы думаем. Исходя из материала, мы имеем здесь отложения двух культур—полей погребений и салтовской, поэтому окончательно решить вопрос об его этнической принадлежности сейчас невозможно [15, с. 107]. В этом с ним согласен Б. А. Шрамко, предложивший выделить памятники этого типа в отдельную группу как этнически неясные [37, с. 289].

Мнения о славянской принадлежности Новопокровского могильника придерживалась и С. А. Плетнева [24, с. 18—19; 25, с. 94]. Но в одной из своих последних работ она предложила другую точку зрения на этническую принадлежность могильника. На основании того, что инвентарь могильника, а также вещевой материал прилегающего к нему селища, датируется VIII—IX вв.; этот памятник можно отнести к кругу салтовских. Такие признаки погребального обряда, как ориентировка могильных ям

с запада на восток, а также сооружение тайничков у погребений и небольшие насыпи, возможно существовавшие в древности над погребениями, свойственны племенам тюркского происхождения и имеют аналогии на Алтае в погребениях хакасов. Могильник находится в окружении салтовских памятников. Рядом расположено салтовское селище, напротив, на правом берегу р. Уды — Каганово (или Кабаново) городище, на котором, как предположила С. А. Плетнева, была ставка наместника хазарского кагана — тудуна. Дружина тудуна состояла из представителей какого-то тюркского племени. Возможно, воины, похороненные на этом могильнике, входили в дружину тудуна и были тюрками по происхождению [26, с. 100—102].

Большой интерес представляют взгляды П. Н. Третьякова. В работе «У истоков древнерусской народности» он указал на Новопокровский могильник как на памятник, заслуживающий особого внимания [35, с. 105—107]. Особенно его заинтересовал погребальный обряд, который можно отнести как к тюркам, так и к славянам [35, с. 109]. В то же время П. Н. Третьяков отметил такие черты погребального обряда, которые присущи погребениям черниговских курганов (вещи, побывавшие в огне, складывались отдельно от погребений) и более ранним погребениям черняховской культуры с пшеворскими элементами (обычай сгибать оружие), но в отношении последних отметил неясность их этнического происхождения — то ли славяне, то ли германцы [35, с. 110]. Все же П. Н. Третьяков допускал возможность принадлежности этого могильника, как и погребений у с. Вознесенское и Глodosы (он считал возможным объединить все эти памятники в одну группу) «народу рос» сирийских источников, однако отмечал, что в этническом отношении довольно трудно выяснить, к какому племени они относились [35, с. 105—110]. В другой своей работе, вышедшей позднее, он допускал возможность отнесения как Новопокровского могильника, так и погребений у с. Вознесенское и Глodosы, к какому-то тюркскому племени [36, с. 108].

В результате в настоящее время нет твердого мнения об этнической принадлежности этого памятника. Одни исследователи полагают, что памятник в основе славянский, но в нем присутствуют черты сарматоаланской или салтовской культур, что вполне объяснимо существованием его на границе со степью. Другие предлагают отнести памятник к какой-то тюркской группе населения, которая входила в число носителей салтовской культуры. В таком случае, появляется еще одна, до сих пор неизвестная, группа населения, которая проживала на этой территории в раннем средневековье.

Еще в конце XIX в. около слободы Тополи бывшего Купянского уезда (Двуречанский р-н Харьковской обл.) был найден комплекс вещей, содержащий цепь для подвешивания котла, наконечники копий и стрел, топор, стремяна, удила, саблю, со-

гнутую пополам, кинжал, железную пряжку от узды, железную фибулу, складной серп, дужку от котла и еще несколько вещей неизвестного назначения [23, с. 128; 4, с. 69].

На тождество этого комплекса с комплексами Новопокровского могильника обратил внимание еще Ю. В. Кухаренко [11, с. 105]. Больше того, все вещи из комплексов у с. Тополи и Новопокровского могильника находят прямые аналогии на Сев. Кавказе в Борисовском могильнике около Геленджика, раскопанном В. В. Саханевым в 1911—1912 гг., именно в инвентаре третьей части этого могильника, имевшей большинство погребений по обряду сожжения [31, с. 75—125], на что также обратил внимание Ю. В. Кухаренко.

Рамки статьи не позволяют подробнее остановиться на всех мнениях, касающихся этнической принадлежности Борисовского могильника. Необходимо только отметить, что по этому вопросу также существует несколько мнений. Некоторые исследователи, как и сам автор раскопок, считают, что могильник принадлежал местным племенам — зихам [31, с. 174; 17, с. 279; 22, с. 323—327; 13, с. 38; 1, с. 41—49; 7, с. 60]. Другие высказываются в пользу славянской принадлежности третьей его части [29, с. 15].

В последнее время в верховьях Сев. Донца открыто еще несколько памятников, которые по характеру погребального обряда и составу инвентаря могут быть отнесены к числу вышеназванных памятников.

В 1973 г. у с. Сухая Гомольша Готвальдовского р-на Харьковской обл. был обнаружен могильник, имеющий много общих черт с Новопокровским. Он связан с городищем и селищем салтовской культуры, которые находятся в 600 м к северу от него [19, с. 309; 20, с. 323; 21, с. 364—365]. На могильнике в ходе его исследований (1973—1979 гг.) открыто 286 погребений и 16 комплексов вещей, находившихся в тайниках.

Погребения Сухогомольшанского могильника имеют только один обряд — трупосожжение. Но в отличие от Новопокровского, в нем представлены два типа погребений — в ямках и урнах. Могильник относится к разряду грунтовых, бескурганых.

Погребения в ямках составляют большую его часть (52%). По обряду они ничем не отличаются от новопокровских, за исключением различия в размерах погребальных ям. Все остальные признаки обряда новопокровских погребений присутствуют и здесь.

Погребения в урнах двух вариантов: урны стоят в нормальном положении, т. е. на доньшках и перевернуты вверх дном. В нескольких случаях урны лежали на боку. В качестве урн использовались горшки, как лепные, так и гончарные. Имели место погребения в амфорах и больших кувшинах — пифосах, характерных для салтовской культуры. Большинство урн было накрыто. Для крышек использовались днища или части стенок

лепных и гончарных сосудов, или днища амфор. Форма и орнаментация подавляющего большинства урн чисто салтовская, но некоторая часть горшков по своей форме напоминает керамику пеньковского и роменского типов.

Около большинства погребений, как ямных, так и урновых, обнаружены многочисленные остатки тризн, состоящие из фрагментов битой посуды: черепков амфор, кувшинов разных размеров из хорошо отмученной глины белого, серого и коричневого цветов, орнаментированных лощеными линиями и полосками. Изредка в остатках тризн встречались лепные горшки небольших размеров из грубого теста с большой примесью шамота. Комплексы вещей состояли из предметов вооружения и конского снаряжения. Их тождество с комплексами из Тополей и Новопокровского могильника не вызывает сомнения. Полные аналогии этим вещам имеются и в инвентаре третьей части Борисовского могильника.

Инвентарь погребений Сухогомольшанского могильника составляют вещи, характерные для салтовской культуры. Время существования могильника — VIII—IX вв.

В 1977 г. при проведении земляных работ по устройству оросительной системы около с. Пятницкое Чугуевского р-на Харьковской обл. были разрушены поселение и могильник, располагавшиеся на песчаных дюнах в пойме р. Большая Бабка, правом притоке Сев. Донца, к югу от села. Поселение и могильник относятся к кругу салтовских памятников. На могильнике были погребения по обряду кремации. По рассказам очевидцев, при снятии песчаной поверхности останца на фоне материкового песка желтого цвета довольно четко выделялись темные пятна круглой формы до 1 м в диаметре. Это были погребальные ямки, вмещавшие остатки кремации — пережженные косточки и угольки. Встречались и обломки керамики, но они были выброшены. Общее внимание привлекла только одна ямка, которая содержала погребение воина с предметами вооружения (согнутая сабля, наконечник копья), конского снаряжения (удила, стремяна, железные пряжки, бронзовые украшения узды), украшениями пояса и предметами быта [38, с. 18—21]. По инвентарю погребение и весь могильник датируются VIII—IX вв.

В 1978 г. также при производстве земляных работ на территории школы-интерната в с. Кочеток Чугуевского р-на (5 км. южнее с. Пятницкое) было разрушено еще одно погребение воина по обряду кремации. Инвентарь погребения состоял из наконечника копья, тринадцати наконечников стрел, топора, крючка и петли от колчана, удил с псалиями, инкрустированными подковообразными насечками, железных бляшек от оголовья узды, железного серпа и железной фибулы. В погребении было и несколько обломков средневековой амфоры. Дата этого погребения VIII—IX вв. [10, с. 13—15].

Таким образом, число памятников, которые можно объединить в одну группу с Новопокровским могильником, за последние годы возросло. Это свидетельствует о том, что на территории верхнего течения Сев. Донца, в лесостепной полосе, действительно существовала какая-то группа населения, которая имела свой погребальный обряд, свои обычаи, но была тесно связана с салтовской культурой, что довольно хорошо иллюстрирует инвентарь погребений.

К какому племени относилась эта группа населения? Ответа на этот вопрос мы не найдем в письменных источниках того времени, имеющих отрывочные сведения об этой территории.

Полагаем, что для дальнейшего изучения этой группы памятников ее необходимо выделить отдельно или как вариант салтовской культуры, или как отдельную группу этнически неопределенных памятников. В дальнейшем нужно более тщательно изучить связи этих памятников с салтовской и славянскими культурами того времени, а также выяснить их отношение к Борисовскому и ему подобным могильникам Северного Кавказа.

Решение этих вопросов даст возможность выяснить, какие еще этнические элементы, кроме алан и древних болгар, принимали участие в генезисе салтовской культуры.

Список литературы: 1. *Алексеева Е. П.* Погребальный обряд и материальная культура раннесредневековых адыгских племен. — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. — Орджоникидзе, Изд-во Сев.-Осетинского НИИ, 1975, с. 41—49. 2. *Артамонов М. И.* История хазар. — Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, — 523 с. 3. *Археологія Української РСР*, т. III. — Київ: Наук. думка, 1975. — 502 с. 4. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. — Тр. XII АС, т. I. — М., 1905, с. 1—92. 5. *Березовец Д. Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. — КСИА АН УССР, 1962, вып. 12, с. 18—22. 6. *Березовец Д. Т.* Слов'яни і племена салтівської культури. — Археологія, т. XIX. — Київ, Вид-во АН УРСР, ін-т археології, 1965, с. 45—60. 7. *Березовец Д. Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури. — Археологія, т. XXIV. — Київ: Наук. думка, 1970, с. 59—74. 8. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. — Тр. XII АС, т. I. — М., 1905, с. 174—450. 9. *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. — М.: Госполитиздат, 1930. — 137 с. 10. *Дегтярь А. К.* Отчет об археологических исследованиях в 1978 г. — Харьков, № 979. Рукопись. Архив АМ ХГУ. 11. *Кухаренко Ю. В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине. — КСИИМК, 1951, вып. 41. — М., Изд-во АН СССР, с. 99—108. 12. *Кухаренко Ю. В.* Новопокровский могильник і поселення. — Археологія, т. VI. — Київ, Вид-во АН УРСР, ін-т археології, 1952, с. 33—50. 13. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Северного Кавказа. — Л.: Наука, 1978. — 182 с. 14. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62. — М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 85—150. 15. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, № 104. — М. — Л., Изд-во АН СССР, 1961. — 383 с. 16. *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры. — КСИИМК, 1951, вып. 36. — М., Изд-во АН СССР, с. 15—27. 17. *Мерперт Н. Я.* Вопросы происхождения булгар. — В кн. А. П. Смирнова «Волжские булгары». — СА, т. XVII, 1953, с. 274—284. 18. *Михеев В. К.* Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця. — Вісн. Харк. ун-ту, № 104, історія, вип. 8. — Харків: Вища школа. Вид-во Харк. ун-ту, 1974, с. 97—99.

19. *Михеев В. К., Дегтярь А. К.* Раскопки Сухогомольшанского комплекса. — АО 1973 г. — М.: Наука, 1974, с. 309. 20. *Михеев В. К., Дегтярь А. К.* Продолжение раскопок Сухогомольшанского комплекса. — АО 1974 г. — М.: Наука, 1975, с. 323—324. 21. *Михеев В. К., Дегтярь А. К.* Раскопки Сухогомольшанского могильника. — АО 1975 г. — М.: Наука, 1976, с. 364—365. 22. *Монгайт А. Л.* Некоторые средневековые памятники Сев.-Зап. Кавказа. — СА, т. XXIII. — М., 1955, с. 323—327. 23. *Отчет* Археологической комиссии за 1891 г. — СПб, 1893, с. 128. 24. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца. — КСИИМК, 1960, вып. 79. — М., Изд-во АН СССР, с. 3—20. 25. *Плетнева С. А.* О связях алао-болгарских племен Подонья со славянами. — СА, 1962, № 1, с. 82—94. 26. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. — М.: Наука, 1967.—197 с. 27. *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник. — СА, 1976, № 3, с. 279—298. 28. *Покровский А. М.* Верхнесалтовский могильник. — Тр. XII АС, т. 1. — М., 1905, с. 465—492. 29. *Рыбаков Б. А.* Уличи. — КСИИМК, 1950, вып. 35. — М., Изд-во АН СССР, с. 3—17. 30. *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — СА, т. XVII, 1953, с. 23—104. 31. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. — Известия арх. комиссии, вып. 56, СПб, 1914, с. 75—174. 32. *Семенов-Зусер С. А.* Дослідження салтівського могильника. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. III. — Київ, Вид-во АН УРСР, 1952, с. 41—54. 33. *Смирнов А. П.* К вопросу об истоках Приазовской Руси. — СА, 1958, № 2, с. 270—279. 34. *Справочник по археологии Украины.* Харьковская обл. — Киев: Наук. думка, 1977.—154 с. 35. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. — М.: Наука, 1970.—173 с. 36. *Третьяков П. Н.* Что такое пастырская культура. — СА, 1971, № 4, с. 102—113. 37. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. — Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1962.—404 с. 38. *Шрамко Б. А.* Отчет о разведках и раскопках в 1977 г. — Харьков, 1978, Рукопись. Архив АМ ХГУ.

Поступила в редколлегию 16.11.79.

И. П. СЕРГЕЕВ

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 193—197 гг. В РИМЕ

Борьба между Септимием Севером и Клодием Альбином — заключительный этап гражданской войны 193—197 гг. в Риме. Военные действия проходили сравнительно недалеко от Италии и их исход отразился на судьбе значительной части крупных собственников и знати западных провинций Римской империи. Однако в исторических источниках и произведениях современников этих событий — Диона Кассия и Геродиана этот этап освещен недостаточно. Очевидно, этим объясняются расхождения во мнениях современных историков о последнем этапе гражданской войны, причинах возникновения, инициаторе и дате его начала. Целью данной статьи является ответ на перечисленные вопросы на основании более строгой оценки некоторых свидетельств Диона Кассия и Геродиана и анализа социальной опоры претендентов на императорский престол в ходе гражданской войны.

Война между Септимием Севером и Клодием Альбином началась уже после победы Севера над своим восточным соперником в борьбе за императорскую власть — Песценнием Нигром. Причем до этого по условиям заключенного в 193 г. соглашения Альбин был не только союзником, но и соправителем Севера. Дион Кассий и Геродиан считают инициатором начала заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. Септимия Севера [3, 76, 4, 1; 14, 111, 5]. По мнению Геродиана и Юлия Капитолина, он выступил против Альбина потому, что хотел закрепить за собой и своими сыновьями императорский престол и избавиться от ненужного ему соправителя, а также потому, что Альбин слишком по-императорски вел себя в западной части империи, а сенаторы убеждали его взять власть в свои руки [14, 111, 5; 15, V. Alb., VII]. Однако Элий Спартиан сообщает что войну начал не Север, а Альбин [15, V. Sev., X].

Возникновение войны между Септимием Севером и Клодием Альбином, вопрос об ее инициаторе и причине заключения союза между ними в 193 г. и его характере взаимосвязаны. Дион Кассий и Геродиан считают, что заключенное по предложению Севера соглашение было заведомо временным, своего рода военной хитростью Севера с целью избежать войны одновременно с Нигром и Альбином. Именно Альбина Север выбрал в свои временные союзники, по их мнению, потому, что он был ближе к Паннонии, чем Нигер, к тому же последний знал о расположении к нему жителей Рима и, имея в своем подчинении значительные военные силы, отказался бы от союза с Севером на предлагаемых условиях [13, 74, 15, 1—2; 14, 11, 15]. Но Юлий Капитолин и Элий Спартиан высказывают мысль о том, что в 193 г. Север действительно рассматривал Альбина не только как соправителя, но и как возможного преемника [15, V. Alb., X; V. Nig., IV].

Вероятно, под влиянием того что сведения Диона Кассия и Геродиана в общем заслуживают несомненно большего доверия, чем свидетельства такого источника как «*Scriptores historiae Augustae*», в зарубежной историографии преобладает мнение, что война началась по инициативе Севера и по причинам, названным в источниках. Эти историки согласны и с оценкой, данной Дионом Кассием и Геродианом соглашению 193 г. [5, с. 10; 12, с. 265]. Но другие считают, что первым военные действия начал Альбин, усомнившийся в прочности союза с Севером после победы того над Нигром. Однако сам этот союз они также расценивают как военную хитрость Севера [8, с. 253—254; 4, с. 186].

В советской историографии последний этап гражданской войны 193—197 гг. не нашел широкого освещения, а в имеющихся исследованиях нет единства мнений их авторов относительно обстоятельств его начала. В. Н. Дьяков полностью согласен с точкой зрения древних авторов по вопросам об инициа-

торе и причинах начала войны между Севером и Альбином и характере соглашения между ними [1, с. 21]. По мнению Е. М. Штаерман, соглашение 193 г. Север был вынужден заключить, так как Альбин уже в это время имел такую сильную поддержку крупных собственников западных провинций империи, что Север считал более безопасным вести борьбу сначала с Нигром, а не с Альбином. Однако позже военные действия начал не Север, а Альбин, побужденный к этому сенатской знатью, убедившейся на действиях Севера на Востоке в характере его будущего правления [2, с. 333].

При рассмотрении заключительного этапа гражданской войны необходимо с большей осторожностью относиться к сведениям современников этих событий Диона Кассия и Геродиана. Следует учитывать, что они были просенатски настроены (Е. М. Штаерман даже определяет Диона Кассия как идеолога «партии сената» [2, с. 353]). Клодий Альбин в период борьбы с Севером выражал интересы крупных собственников Запада империи, а в правление Севера было казнено значительное количество сенаторов. Поэтому мы вправе допустить возможность сознательного искажения этими авторами некоторых моментов последнего этапа гражданской войны. С другой стороны, даже учитывая все недостатки «*Scriptores historiae Augustae*», возможно, что его сведения об этом этапе войны могут быть, если не точными, то в некоторых случаях более объективными. Правда, его авторы (или автор), хотя и были просенатски настроенными, но не являлись современниками этих событий, и для них задача «очернения» Севера не была такой актуальной, как для Диона Кассия и Геродиана.

Для правильного ответа на вопросы об инициаторе и причинах начала войны между Севером и Альбином, по нашему мнению, нужно разобраться в социальной опоре этих претендентов на императорский престол в ходе гражданской войны. Мы не можем согласиться с мнением Е. М. Штаерман, что Клодий Альбин с самого начала войны имел широкую поддержку крупных собственников западных провинций Римской империи. Думается, более правильным было бы считать, что в 193 г. у Альбина и Севера была одна и та же социальная опора. Они опирались на солдат римской армии и являлись выразителями интересов одной фракции господствующего класса римского рабовладельческого общества — армейских кругов и тесно связанных с ними средних и мелких землевладельцев. Песценний Нигер тоже был провозглашен императором солдатами сирийских легионов. Но в отличие от восточных провинций, поддержавших Нигра, придунайские области являлись районом господства мелкого и среднего землевладения [2, с. 334]. В Британии крупных собственников также было не так много, чтобы, опираясь на них, Альбин мог вступить в борьбу за императорскую власть. Другими словами, в 193 г. в отличие от Нигра

Клодий Альбин, как и Север, мог реально претендовать на императорский престол только в том случае, если бы он опирался на солдат римской армии и близких им по интересам средних и мелких земельных собственников *.

Таким образом, в 193 г. Клодий Альбин был для Септимия Севера естественным союзником. Соглашение с ним, а не с Нигром, Север заключил в первую очередь по этой причине, а не только потому, что Нигер находился дальше и знал о своей популярности среди населения столицы империи. Если исходить из такого положения, то мы вправе рассматривать этот союз как явление вполне закономерное, а не как вынужденный шаг Севера.

Разрыв соглашения и начало войны между Альбином и Севером, по нашему мнению, также нельзя объяснять только желанием последнего освободиться от временного соправителя и укрепить императорский престол за своими сыновьями.

До начала военных действий между ними гражданская война являлась борьбой между выразителем интересов средних и мелких собственников империи, Севером, с одной стороны, и интересов крупных собственников восточных провинций, Нигром, с другой. Третья из тех групп господствующего класса Римской империи, которые, как это было определено Е. М. Штаерман [2, с. 306—309], выделились к концу II в. н. э. и имели различные программы, — крупные собственники и знать западных провинций — не принимала до этого в войне активного участия. Естественно, что ей был безразличен результат войны, и она тоже желала бы поставить на императорский престол человека, который проводил бы в жизнь ее программу. Однако в начале гражданской войны эта фракция господствующего класса империи была вынуждена оставаться пассивной: она не располагала необходимыми военными силами — к лету 193 г. все легионы римской армии уже шли за Севером или Нигром.

После того как Север в июле 193 г. отправился на Восток для борьбы с Нигром и оставил правителем западной части империи Клодия Альбина, крупные собственники и знать западных провинций, видимо, решили склонить последнего на свою сторону и получить таким образом поддержку подчиненных Альбину легионов. Клодий Альбин происходил из знатной семьи города Гадрумета в Африке [15, V. Alb., IV]. К началу гражданской войны он был наместником Британии и, очевидно, по этой причине был провозглашен местными легионами императором, а не потому, что он сознательно выступил как защитник интересов армейских кругов и средних и мелких землевладельцев. Став в силу сложившихся обстоятельств союзником Севера и правителем западной части империи, Альбин получил время

* Более подробно о социальной опоре Нигра см.: Сергеев И. П. Причины и характер гражданской войны в Риме 193—197 гг. — *Вісн. Харк. ун-ту*, 1979, № 182. *Історія*, вип. 11, с. 69—70.

для того, чтобы разобраться в обстановке. Вероятно, будучи не до конца уверенным в прочности и долгосрочности соглашения с Севером, он начал искать силы, на которые можно было бы опереться в возможной борьбе со своим соправителем. Так как Альбин был близок к крупным собственникам Запада империи по происхождению, он откликнулся на их предложения, постепенно сблизился с представителями этой фракции господствующего класса империи и перешел на их позиции.

К сожалению, мы можем только предполагать, что примерно таким образом произошло сближение Альбина с крупными собственниками и знатью Запада (сам факт того, что в борьбе с Севером он защищал именно их интересы, не вызывает сомнений у современных исследователей). Современники этих событий Дион Кассий и Геродиан ничего не сообщают о действиях Альбина во время пребывания Севера на Востоке. И нам их молчание кажется не случайным. Видимо, они опасались описанием этих действий создать у читателей неблагоприятное впечатление, что не Север коварно повел себя по отношению к бывшему соправителю, а наоборот. Характерно, что они подробнее описывают и обстоятельства провозглашения императорами Септимия Севера и Песценния Нигра, чем Клодия Альбина [13, 74, 15, 1—3; 75, 6, 1—2; 14, 11, 7—10].

Таким образом, пока Север находился на Востоке, в социальной опоре Альбина произошли коренные изменения. Именно они являлись предпосылкой разрыва соглашения 193 г. и возникновения войны между бывшими союзниками. Естественно, что для установления контактов с крупными собственниками и знатью западных провинций империи и перехода на их позиции Альбину требовалось определенное время. Этим и, может быть, его нерешительностью можно объяснить то, что разрыв с Севером произошел уже после победы последнего над Нигром и укрепления своего положения на Востоке. Но следует отметить, что в любом случае Альбин не мог бы выступить против Севера в союзе с Нигром, который был для него таким же врагом, как и Север, так как все они были выразителями интересов различных борющихся между собой фракций господствующего класса римского рабовладельческого общества.

В связи с началом войны между бывшими союзниками может возникнуть вопрос: почему солдаты британских легионов поддерживали выступление Альбина против выразившего фактически и их интересы Севера? Вероятно, это можно объяснить тем, что у римских солдат, кроме классовых или сословных, были и интересы профессиональные, чисто солдатские. Поддерживая своего полководца, они надеялись получить в случае победы денежные подарки и определенные привилегии, которые, например, получили солдаты дунайских легионов после вступления Севера в Рим и роспуска старой преторианской гвардии.

Сложным является вопрос о дате начала войны между Севером и Альбином. Большинство современных авторов считает, что разрыв между ними произошел в конце 195 г. [1, с. 21; 4, с. 186; 9, с. 117], однако было высказано и мнение о том, что это событие следует относить к осени 196 г. [10, с. 6].

Трудность его решения связана с тем, что имеющиеся незначительные свидетельства недостаточно четкие и, как нам кажется, не всегда верные.

В эпиграфических источниках момент разрыва между Севером и Альбином не отражен. До нас дошли надписи, в которых Альбин назван как соправитель Севера с титулом цезаря [7, VIII, 1549, 17726]. Однако надписей, в которых он назывался бы августом, нет и, скорее всего, не было вовсе. В легендах одних монет Альбина он назван цезарем, а в других—августом [6, *Clod. Alb.*, №№ 3, 31, 40]. М. Плэтнэвер считает, что монеты, в которых Альбин имеет титул августа, были выпущены в 196 г. [11, с. 31]. Но одни легенды не дают оснований для отнесения их к какому-либо конкретному году. По нашему мнению, при нынешнем состоянии источниковедческой базы более и менее точно датировать начало войны между Севером и Альбином можно только на основании сведений нарративных источников.

Отправными точками для решения этого вопроса могут служить: сообщение Диона Кассия о том, что в середине декабря 195 г. простой народ Рима устроил в цирке демонстрацию протеста в связи с получением известий о начале войны между Севером и Альбином [13, 76, 4, 2—6]; определение времени выступления Севера на Запад; выяснение даты провозглашения Севером своего старшего сына Бассиана цезарем вместо Альбина.

Исследователи, назвавшие в качестве даты начала войны между Севером и Альбином конец 195 г., исходят из сообщения Диона Кассия о народной демонстрации в Риме. Однако возникают сомнения в полной его достоверности. Народ считал инициатором начала нового этапа гражданской войны Септимия Севера. Следовательно, Север, находившийся далеко на Востоке, объявил Альбина своим врагом, если не в ноябре, то в начале декабря 195 г. Но в таком случае возникает вопрос: почему Альбин медлил со своим вступлением в столицу империи, и, главное, почему Север, так быстро действовавший в борьбе с Дидием Юлианом и Песценнием Нигром и знавший о связях Альбина с многими сенаторами в Риме, оказался на этот раз таким медлительным, что прибыл в Рим только через год после разрыва отношений со своим бывшим соправителем?

Нам представляется, что начало заключительного этапа гражданской войны нельзя датировать концом 195 г., а сообщение Диона Кассия о народной демонстрации в Риме не вполне отвечает действительности. Видимо, ее описанием Дион Кассий хотел показать непопулярность Севера не только среди сенаторов, но и у народа, а также подчеркнуть, что и народ считал

Севера виновником начала нового этапа гражданской войны. Можно предположить, что в середине декабря 195 г. в Риме действительно были какие-то народные волнения, о которых могли помнить современники Диона Кассия, но они не были связаны с началом войны между Севером и Альбином.

Дату начала войны, по нашему мнению, следует связывать с двумя другими событиями: возвращением Севера в западную часть империи и провозглашением его старшего сына цезарем. Но если Дион Кассий довольно точно называет дату волнений в столице, то об этих событиях точных сведений нет. Более того, согласно Геродиану, Север выступил в поход против Альбина еще до падения Византия и узнал о нем, находясь уже в Европе [14, 111, 6]; по Диону Кассию, Север получил это известие еще в Месопотамии, до начала похода на Запад [13, 75, 14, 2]. Думается, что в этом случае нужно отдать предпочтение свидетельству Диона Кассия, труд которого содержит более точные сведения, чем Геродиана. Из указаний Диона Кассия и Зонары можно определить примерную дату падения Византия, жители которого выдерживали осаду в течение трех лет [13, 74, 12, 1; 16, XII, 8]. Если иметь в виду, что осада началась где-то летом 193 г., то закончиться она должна была, соответственно, летом 196 г. Узнав о падении Византия, Север решил вернуться на Запад. В это время он, возможно, еще не намеревался вести войну с Альбином, хотя не исключено, что у него уже были сведения о подозрительно тесных контактах последнего с сенаторами и знатью западных провинций. Так как с падением Византия и заключением мира с восточными соседями империи военные действия на Востоке закончились, Север возвращался на Запад в сопровождении легионов, участвовавших в борьбе с Нигром.

Известия о взятии Византия и возвращении с Востока Севера с войсками, видимо, сильно встревожили Клодия Альбина и тех, кто надеялся сделать его единственным правителем Римской империи. В случае возвращения Севера в столицу шансы Альбина на успех в борьбе с ним резко уменьшились бы, а неизбежное расследование привело бы к раскрытию связей с Альбином и их планов. Скорее всего, где-то в сентябре 196 г., Альбин, подталкиваемый сенаторами и знатью западных провинций, осознав безвыходность своего положения, решился на открытое выступление против Севера. Он был провозглашен августом и высадился со своими войсками в Галлии. У нас возникают сомнения в достоверности сообщений о том, что Север перед выступлением на Запад послал убийц к Альбину, и тот, раскрыв этот замысел, был вынужден выступить против своего союзника и соправителя [14, 111, 5; 15, V. Alb. VIII]. Но если даже такое посольство и имело место, то оно было послано уже фактически не к соправителю, а к врагу, нарушившему соглашение 193 г.

Север, вероятно, получил вести о выступлении Альбина, находясь в Верхней Мезии. В ответ на это он провозгласил там цезарем своего старшего сына Бассиана с присвоением ему имени Марка Аврелия Антонина [14, 111, 10; 15, V Sev., X]. Поэтому мы согласны с мнением тех современных исследователей, которые считают, что провозглашение Бассиана цезарем произошло в октябре [10, с. 6; 11, с. 103], а не в апреле 196 г. [3, с. 321].

Итак, война между Септимием Севером и Клодием Альбином началась осенью 196 г. Ее инициатором был Альбин, открытое выступление которого привело к объявлению Бассиана цезарем, а не наоборот. Начало заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. в Риме нужно связывать с принятием активного участия в ней вынужденно пассивной до этого фракции господствующего класса римского рабовладельческого общества — крупных собственников и знати западных провинций империи. Инициатором развязывания этого этапа войны следует считать перешедшего на позиции этой фракции Клодия Альбина, который открыто выступил против бывшего союзника и соправителя осенью 196 г.

Список литературы: 1. Дьяков В. Н. Начало политического кризиса Римской империи (180—235). — Уч. записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. 104, 1957, с. 3—34. 2. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 512 с. 3. Bengtson H. Römische Geschichte. Republik und Kaiserzeit bis 284 n. Chr. München, 1973. — 371 S. 4. Birley A. Septimius Severus the African emperor. — London, 1971. — 378 p. 5. The Cambridge ancient history, vol. XII. — Cambridge, 1939. — 894 p. 6. Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l' Empire Romain communément appelées impériaes, p. IV. — Paris, 1884. — 532 p. 7. Corpus inscriptionum Latinarum. Ed. T. Mommsen et al., Vol. VIII. — Berlin, 1904—1905. — 2285 p. 8. Domaszewski A. Geschichte der römischen Kaiser. Bd. II. — Lpz., 1909. — 328 s. 9. Michailow G. Septimius Severus in Moesia Inferior and Thrace. — Acta antiqua philippopolitana. Studia historica et philologica. — Serdicae, 1963, p. 113—126. 10. Murphy G. J. The reign of the Emperor L. Septius Severus from the Evidence of the Inscriptions. Diss. — Philadelphia, 1945. — 113 p. 11. The life and reign of the emperor Septimius Severus. — Oxf., 1918. — 221 p. 12. Thierfelder H. Die römische Reichspolitik von Septimius Severus bis zum Senatskaiserthum (193—238) im Spiegel der Münzen. — Wiss. Zeitschr. der Karl-Marx-Univ. Leipzig. Ges. und Sprachwiss. Reihe. 1956—57, Jg. 6, Hf. 3, S. 257—284. 13. Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt. — Edidit Ursulus Philippus Boisseuain, Vol. III, Berolini, apud Weidmannos, MDCCCXI. — 511 S. 14. Herodiani Hist (oriarum) lib(ri) VIII. Editi cura 10 (annis) H. Boederi (cum eiusdem notis). Argentorati (Strassburg) ex officina Io Phil. — Mulbii, 1644. — 463 p. 15. Scriptores historia Augustae. Ed Ernestus, Hohl Vol. I, Lipsiae. — Teubner, 1955. — 116 s. 16. Ioannis Zonarae Annales. Ex recensione Mauricii Pinderi. Vol. II. — Bonnae, 1844. — 647 p.

Поступила в редколлегию 12. 11. 79.

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Советская историческая наука добилась значительных успехов в изучении земледелия античных государств Северного При-

черноморья, о чем свидетельствуют обобщающие труды, а также работы, посвященные сельскому хозяйству отдельных районов [1; 2; 8; 15].

Особое значение имеют исследования истории земледелия Херсонеса Таврического, широко известные в нашей стране и за рубежом [20; 21, 22; 23]. Они позволили уяснить состояние и уровень античного земледелия и виноградарства, заставили во многом пересмотреть установившиеся взгляды на роль археологических источников в изучении сельского хозяйства. Однако, на наш взгляд, не все вопросы при этом получили правильное освещение. Это касается системы земледелия, урожайности зерновых, выращивания гречихи. Некоторые гипотезы без достаточного обоснования превратились в общепринятые положения. Например, в свое время С. Ф. Стржелецкий предположил существование в Херсонесе двупольной системы земледелия [14, с. 87]. В дальнейшем он стал говорить об этом как о доказанном факте [15, с. 83], а другие исследователи, используя этот вывод, «обнаружили» эту систему не только в Херсонесе [2, с. 91], но и на Боспоре [8, с. 161] и в Греции [20, с. 117].

Это заставляет вернуться к рассмотрению некоторых вопросов истории земледелия античного Херсонеса с привлечением как широко известных, так и некоторых новых источников.

С. Ф. Стржелецкий, основательно изучавший земледелие античного Херсонеса, неоднократно указывал на его интенсивность, на рациональное использование земли на Гераклеяском полуострове. И все-таки он считал возможным существование в Херсонесе двуполья. Однако еще в XIX в. известный русский агроном А. В. Советов указывал, что системы земледелия возникают при определенных экономических условиях. Двупольная система, являясь паровой, приходит на смену переложной, но все же является довольно примитивной, поскольку половина земли не используется [12, с. 318—319]. Такая система земледелия несовместима с тем интенсивным и рациональным хозяйством, какое велось на херсонесских наделах Гераклеяского полуострова.

Основным доводом С. Ф. Стржелецкого и его последователей в пользу существования двуполья * является парность участков, находившихся под полевыми культурами [14, с. 87; 2, с. 71; 15, с. 83; 8, с. 161]. Однако парные участки С. Ф. Стржелецкий обнаруживал только на трех (№ 11, 25, 26) [15 с. 83], а то и на двух (№ 20, 25) клерах [15, с. 65].

Внимательное изучение планов клеров № 10, 11 и 26 показывает, что парные участки под зерновыми культурами на них отсутствуют [15, с. 183 сл., рис. 22, 23, 26], следовательно, они зафиксированы только на одном клере—№ 25. Но и там, из 26

* С. Ф. Стржелецкий сделал этот вывод, опираясь на результаты изучения внутренней размежевки пяти клеров [№ 10, 11, 20, 25, 26] на Гераклеяском полуострове.

участков, находившихся, по определению С. Ф. Стржелецкого, под зерновыми, парных только шесть: 7, 8, 18, 19, 27 и 28. Таким образом, парные участки составили незначительный процент площади полей только на одном из пяти клеров, обследованных и опубликованных С. Ф. Стржелецким.

До настоящего времени обмерено свыше 50 клеров Гераклейского полуострова. На некоторых из них неплохо сохранилась внутренняя размежевка, но парные участки крайне редки*. Следует отметить, что так называемые парные участки встречаются на землях, которые С. Ф. Стржелецкий рассматривал как сады и виноградники. Например, на клере № 10 — это участки 16 и 17 (сады), а на клере № 11 — 9 и 10 (виноградник). Парные участки на виноградниках зафиксированы на клерах № 23, 53 и 55. Следовательно, можно сделать вывод о том, что парные участки довольно редки, кроме того, они встречаются не только на полях, но и на виноградниках и в садах. Поэтому наличие их на землях Гераклейского полуострова само по себе не может служить доказательством существования двуполья в античном Херсонесе. Других же фактов, свидетельствующих в пользу такого вывода, у нас нет. Напротив, имеются данные, указывающие на то, что в Херсонесе применялась более сложная система земледелия. Даже при существовании в Херсонесе паровой системы, наличие среди зерновых культур яровых — это подтверждается находками проса и бобовых в сельскохозяйственной усадьбе клера № 25 [15, с. 59] — свидетельствует о применении трехполья со следующим севооборотом: озимые, яровые и пар. Последний весной обрабатывался и удобрялся, а затем поступал под посев озимых, урожай которых снимался в следующем году [12, с. 320]. В херсонесском земледелии севооборот мог выглядеть следующим образом: пшеница, ячмень (или просо) и пар.

А. В. Советов полагал, что трехпольная система возникла в Риме, где ее практиковали в провинциях [12, с. 323]. Однако, если учесть свидетельства Теофраста об озимых и яровых посевах [16, VIII, 4, 5] при существовании паров**, то можно думать, что трехполье появилось в Греции еще в VI—V вв. до н. э. Позднее, наряду с паровой системой, стали практиковать и плодосменную. Прямое доказательство этому мы находим у Вергилия и Плиния Старшего. Так, Вергилий в «Георгиках» говорит: «Засевай злаки там, где с поля собрал урожай, стручками шумящий, или где вика росла мелкоплодная с горьким лупином» [4, 1, 73—75]. По свидетельству Плиния, Вергилий убеждает

* Кроме сведений о 35 клерах, опубликованных С. Ф. Стржелецким, у нас есть данные о размежевке клеров № 41, 42, 43, 47, 48, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 67, 81, 82, 83, 85, 86, которые вначале исследовались под руководством С. Ф. Стржелецкого, а в последнее время — Г. Н. Николаенко. Результаты изучения не позволяют согласиться с утверждением Е. Н. Жеребцова о наличии парных участков на всех клерах — [6, с. 16].

** О существовании паров в греческом земледелии говорил еще Пиндар (518—438 гг. до н. э.) [10, VI, 10, 11].

оставлять пашню через год под паром, с чем и он согласен, но, если размеры имения этого не позволяют, то зерновые следует сеять на тех участках, с которых сняты бобовые, вика и те растения, которые удобряют почву [11, XVIII, 187]. Следовательно, уже в I в. до н. э. — I в. н. э. римляне знали плодосменную систему земледелия и применяли ее там, где ощущалась нехватка земли. Теоретическое обоснование целесообразности применения плодосменной системы дал Колумелла, выступивший против учения Тремеллиуса, утверждавшего, что почва устает от непрерывных посевов подобно человеку, утомляемому постоянной работой [7, II, 1, 2—4]. Однако у плодосменной системы в древности (впрочем, как и в недавнем прошлом) противники были даже после того, как она получила распространение. Что касается времени ее зарождения, то, по-видимому, первые шаги она делала еще в IV в. до н. э., так как Теофраст называет злаки, истощающие почву, и считает, что бобы удобряют ее [16, VIII, 9, 1].

Все исследователи херсонесского земледелия указывают на его высокий уровень, отмечают интенсивное использование земли, тесную связь с животноводством. Последнее позволяло земледельцам иметь в своем распоряжении удобрения не только зеленые, но и животного происхождения. Учитывая такой способ ведения хозяйства в условиях нехватки земель, а также наличие в нашем распоряжении находок зерновых и бобовых из херсонесских усадеб Гераклеяского полуострова, можно полагать, что плодосменная система применялась и здесь.

Таким образом, все сказанное свидетельствует против вывода о том, что в Херсонесе Таврическом существовала двупольная система земледелия.

Неоднократно привлекал к себе внимание исследователей вопрос об урожайности зерновых в античном Херсонесе, но окончательно он пока еще не решен. С. Ф. Стржелецкий, критически рассмотрев выводы своих предшественников, пришел к заключению, что урожайность была выше той, которую они называли, и составляла, по его мнению, не менее сам-пятнадцать [15, с. 146—147]. При этом он исходил из того, что Страбон не стал бы упоминать о невысоких урожаях (сам-шесть или сам-семь), поскольку хотел поразить читателя высокой урожайностью в этом районе, хотя и зависил ее в своих свидетельствах до сам-тридцать. В качестве другого довода С. Ф. Стржелецкий приводит данные об урожайности в хозяйствах единоличников (16—19 ц с га), не указывая, однако, их источника. Однако такой урожайности зерновых Крым не знал при ведении единоличного хозяйства. Например, в докторской диссертации П. И. Богдана указано, что урожайность зерновых в Крыму в 1900—1937 гг. составляла в среднем 7,85 ц с га, понижаясь в отдельные годы до 3,8 ц, а в засушливом 1921 г. — до 0,77 ц [3, с. 28]. Примерно о таких же урожаях озимой пшеницы на

рубеже XIX и XX вв. говорит С. А. Усов [17, с. 223]. При этом, следует заметить, что озимая пшеница в условиях Крыма была наиболее урожайной среди зерновых культур.

Следовательно, попытка С. Ф. Стржелецкого пересмотреть урожайность зерновых на землях Гераклейского полуострова в сторону повышения представляется нам необоснованной. Данные этнографии свидетельствуют в пользу вывода В. Д. Блаватского об урожайности пшеницы сам-шесть или сам-семь, а ячменя — сам-пять [2, с. 159]. В условиях бедных почв и засушливого климата Гераклейского полуострова урожайность зерновых могла быть еще ниже.

Широкое распространение в литературе получило мнение о выращивании в Херсонесе гречихи [15, с. 85; 5, с. 134]. На этом основании как о доказанном факте говорится о возделывании этой культуры в Северном Причерноморье [8, с. 186]. Однако, на наш взгляд, этот факт далеко не бесспорный.

Мы считаем, что несколько обугленных зерен, обнаруженных С. Ф. Стржелецким наряду с большим количеством зерен пшеницы и ячменя в помещении 14 усадьбы клера № 25, могли принадлежать не гречихе (*Fagopyrum Moench*), а сорняку — гречишке вьюнковой (*Polygonum convolvulus*) из семейства гречишных. Семена ее даже не в обугленном состоянии трудно отличить от семян гречихи. Обычно этот яровой сорняк присутствует в посевах злаков. Он растет, обвивая их стебли, а затем вместе с ними обмолачивается, благодаря чему его семена попадают в зерно [13, с. 160; 9, с. 169—170]. Это подтверждается наличием семян гречишки вьюнковой среди зерен ячменя, найденных при раскопках поселения Тарпанчи в Северо-Западном Крыму [18, с. 104]. В пользу того, что в усадьбе клера № 25 была обнаружена гречишка вьюнковая, а не гречиха, свидетельствуют незначительное количество зерен и отсутствие гречихи в других районах Северного Причерноморья. Недавно опубликованные Д. Б. Шеловым данные о гречихе в Танаисе [19, с. 77] не позволяют безоговорочно принять это сообщение. Дело в том, что в сосуде с гречихой (?) оказались зерна щетинника (*Setaria veridis*) или зеленого мышея, который как и гречишка вьюнковая относится к яровым сорнякам [9, с. 167]. Следовательно, и в этом случае можно предположить, что в горшке были семена гречишки вьюнковой.

Таким образом, распространенный в литературе вывод о выращивании в античном Херсонесе гречихи пока не имеет достаточных оснований.

Список литературы: 1. *Античная цивилизация*. — М.: Наука, 1973. — 269 с. 2. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 207 с. 3. *Богдан П. И.* Пшеницы Крыма. — М.: Огиз-сельхозгиз, 1941. — 139 с. 4. *Вергилий*. Георгики. — Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. — М.: Художеств. литература, 1970, с. 65—119. 5. *Возникновение и развитие земледелия*. — М.: Наука,

1967. — 232 с. 6. Жеребцов Е. Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э. — Краткие сообщения института археологии, 1976, вып. 145, с. 14—18. 7. Колумелла. Сельское хозяйство. Ученые земледельцы древней Италии. — Л.: Наука, 1970, с. 114—198. 8. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. — М.: Наука, 1975. — 299 с. 9. Мальцев А. И. Сорная растительность СССР и меры борьбы с ней. — Л.—М.: Сельхозиздат, 1962.—271 с. 10. Пиндар. Немеийские оды.—Вестн. древней истории, 1974, № 1, с. 238—260. 11. Плиний. Естественная история. Ученые земледельцы древней Италии.—Л.: Наука, 1970, с. 77—113. 12. Советов А. В. Избранные сочинения.—М.: Гос. изд-во сельхоз. лит-ры, 1950.—447 с. 13. Соколов И. С. Общее земледелие.—М.: Огиз-сельхозгиз, 1938.—493 с. 14. Стржеleckий С. Ф. Клер Херсонеса Таврического. — Вестн. древней истории, 1951, № 3, с. 85—90. 15. Стржеleckий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник, вып. VI. — Симферополь, 1961. — 247 с. 16. Теофраст. О растениях. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 591 с. Усов С.—А. Историко-экономические очерки Крыма.—Симферополь: Крымиздат, 1925. — 121 с. 18. Шеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л.: Наука, 1971. — 156 с. 19. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М.: Наука, 1972.—350 с. 20. Zawadzky T. Rolnictwo w Grecji starozytniej.—Archeologia, XII, 1961. 21. Pecirka L. Antiské zemedelské usadlosti v okolí města Chersonesu na Krymu. — Listy filologicke, 91, № 3, 1968, p. 274—288. 22. Pecirka L. Country estates of the Polis of Chersonesos in the Crimea. — Recherché storiche ed economiche in memoria di C. Barbagallo, I, Napoli, 1970, p. 459—477. 23. Dufkova M., Pecirka L. Excavations of farm in the Chora of Chersonesos in the Crimea. — Eirene, VIII, 1970, p. 123—174.

Поступила в редколлегию 15.11.79.

С. Б. СОРОЧАН

О ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ ХЕРСОНЕСА В I В. ДО Н. Э. — V В. Н. Э.

Изучение внутренней торговли Херсонеса является составной частью более общей проблемы исследования всей херсонесской торговли. В советской историографии еще нет специальных работ, посвященных внутренней торговле в первых веках н. э. Объясняется это скудостью и односторонностью существующих источников. Тем не менее мы попытаемся показать состояние этой торговли в первые века н. э., ее организацию, предметы торговли, состав торговцев и их социальное положение.

Прежде всего, привлекает внимание объем и разнообразие ассортимента товаров внутригородской торговли. В Херсонес ввозили хлеб, необходимый для нужд граждан. Вероятно, в месяцы добычи соли (июль — сентябрь) особенно интенсивно шла торговля ею на городском рынке [9, с. 23]. Масштабы рыболовного промысла позволяют предположить, что различные сорта рыбы и рыбные соусы, приобретенные здесь, составляли значительную часть ежедневного рациона горожан. То же самое можно сказать о винах местного изготовления, овощах и фруктах из садов Гераклеийского полуострова. На городском рынке велась также розничная торговля импортными винами и оливковым маслом, Гончарные мастерские Херсонеса изготавливали на продажу посуду, тару, строительную керамику и, в неболь-

шом количестве, терракотовые статуэтки [9, с. 117—118]. Характер глины некоторых светильников, а также находки форм свидетельствуют о существовании, по крайней мере в III—V вв. н. э., собственного производства этого рода изделий, рассчитанных на широкий сбыт [5, л. 18, рис. 50; 17, с. 81, рис. VI, 5]. Предметом внутренней торговли являлась продукция местных кузнечных, меднолитейных и деревообрабатывающих мастерских [9, с. 37—38, 54—76, 120—124]. На городском рынке можно было приобрести различные бытовые товары, украшения и орудия труда из кости [9, с. 128—129]. К сожалению, до нас дошло сравнительно мало изделий из кожи и ткани. Но даже по имеющимся остаткам можно заключить, что в Херсонесе продавалась кожаная обувь, ремни, ножи, детали сбруи и готовая одежда [19, с. 17; 14, с. 53, 109; 8, с. 4]. Приблизительно с III в. н. э. в городе было налажено свое стеклоделательное производство, что привело к появлению на рынке не только привозных, но и местных, очевидно, более дешевых стеклянных изделий [3, 4; 5, л. 3]. Продавались простые и недорогие ювелирные украшения, бусы, подвески, амулетницы, которые обильно встречаются в херсонесских погребениях. Следует также упомянуть принадлежности для письма и разнообразные статуэтки из мрамора, известняка, служившие для украшения домашних алтарей или интерьера жилищ состоятельных херсонеситов. Кроме того, на херсонесский рынок поступала продукция из других областей Римской, а позднее и Византийской империи. Вместе с многочисленными местными товарами они составляли богатый внутренний рынок, позволяющий судить о крупных масштабах торговли в пределах города.

Не исключено, что Херсонес имел несколько рынков. Один из них находился на центральной площади—агоре, существование которой засвидетельствовано уже в III в. до н. э. [26, № 418]. Наиболее удобным для нее местом являлась центральная возвышенная часть города вблизи Карантинной бухты. В этом случае главная улица, тянувшаяся через весь Херсонес с юго-запада на северо-восток, должна была обязательно примыкать к площади или даже пересекать ее. Следует заметить, что в Приене главная улица делила агору пополам, причем одна часть была отведена для торговли продуктами, а другая, большая, предназначалась для торговых контор и помещений городских властей [30, с. 189]. В городах Греции, Малой Азии, Западного Причерноморья агора или форум нередко находились в непосредственном соседстве с театром и другими общественными постройками [7, с. 26—27]. Поэтому расположение херсонесского театра почти в центре города, рядом с главной улицей, может служить указанием на близость рыночной площади.

Вероятно, херсонесский рынок был похож на любой другой греческий, знакомый нам по раскопкам и описаниям античных авторов. Например, обязательной принадлежностью рынка лю-

бого античного города являлись портики, без которых не обходилась ни одна агора [Theophr., Charact., 2: Plat., Theag., 121 a; Xen., Hellen., V, 2, 29; Vitruv., V, 1, 1].

Учитывая масштабы херсонесских ремесел и промыслов, можно предположить, что на рынке должны быть «секции» (*κυκλοι*) для торговли керамическими, железными изделиями, овощами, фруктами [Ср. Poll VII, 11; Aelian., Var., hist., 11, 1]. Для продажи рыбы и рыбных соусов в городе существовал специальный рынок [9, с. 15, 22, № 129], местоположение которого до настоящего времени не определено. В римский период в центре такого рынка иногда возводили небольшое круглое здание—павильон [20, с. 136—137; 30, с. 161]. Остатки похожего сооружения площадью около 13 м² были обнаружены в Херсонесе к югу от базилики 1935 г. [2, л. 12—13, рис. 9]. Внешний край каменных плит этого сооружения со всех сторон был сильно истерт и даже выщерблен ногами людей. В помещениях, примыкавших к площади с круглым павильоном, оказалось сравнительно много монет I—IV вв. и фрагмент надписи о проведении строительных работ одним из херсонесских агораномов [21, № 26]. Расположение площади было удобно для торговли рыбными продуктами, так как поблизости находились крупные комплексы рыбозасолочных цистерн. Наконец, только в этом районе рельеф местности позволял устроить пристань для подвоза рыбы и продуктов из нее, остальные прилегающие участки северного берега слишком обрывисты и круты.

Таким образом, если наши предположения верны, в Херсонесе существовало два рынка, один из которых находился в центре города, а другой на северном берегу.

Кроме того, торговля велась и в других местах. Видимо, не случайно наибольшее количество иногородних монет в Херсонесе встречается в юго-восточной части города, в его портовом районе [6, с. 59, 60]. Это может быть объяснено тем, что купцы-оптовики часто вели свои дела поблизости от порта, у верфей, складов, в специально построенных для этой цели зданиях [28, с. 1734]. Наконец, некоторые городские мастерские являлись одновременно лавками. Такая практика имела широкое распространение [27, с. 465—466].

Сделки купли-продажи в городе происходили различными способами. Очевидно, наиболее распространенной формой была мелкая розничная торговля, призванная удовлетворять спрос самых широких слоев населения. Косвенно на это указывают сравнительно большое количество находок весов ([23, с. 135] и мелкий характер ремесленного производства Херсонеса [9, с. 161]. Но немалый удельный вес имела также продажа товаров оптом, связанная с существованием крупных поставщиков рыбы, вина и других продуктов. Как известно, даже мелкие странствующие торговцы старались закупать все товары для себя оптом [Apul., Metam., 1, 5, 24—27].

Об интенсивности херсонесской внутренней торговли в интересующий нас период свидетельствует очень большое количество находок медных монет. Город имел развитый денежный рынок, на котором доминировало в обращении римское серебро, наиболее удобный для торговых операций эквивалент. Наличие в обращении разных денежных систем требовало услуг менял, которые за соответствующую плату совершали обмен и размен денег, а также предоставляли их в кредит. Деятельность менял или состоятельных торговцев в качестве ростовщиков соответствовала мелкому ремесленному производству в Херсонесе [16, с. 143].

Контроль за торговлей осуществляли особые административные лица, астиномы и агораномы. Но, очевидно, общий процесс сокращения коллегияльных органов, наметившийся в Херсонесе к первым векам н. э., постепенно привел к исчезновению астиномов и переходу их функций к агораномам [11, с. 23, 30]. Последние следили за благоустройством мест торговли и всячески поддерживали ее порядок. Обычно, от их проверок были освобождены только торговцы хлебом [25, с. 155]. Агораномы могли налагать легкие телесные наказания, если нарушитель порядка был раб (Ср. Aristoph., Vesp., 1406 сл), а свободнорожденных—штрафовать на крупную сумму [1, № 423].

В первые века н. э. эта должность была весьма важной и обременительной, требовавшей значительных денежных затрат. Зачастую херсонесские агораномы располагали только собственными деньгами [22, № 129] или пользовались средствами из специальных расходных сумм агораномии. Но очень вероятно, что они же вносили их туда. В противном случае становятся непонятными мотивы принятия постановления о том, что агораном Аврелий Гермократ пожертвовал на храм Афродиты 3000 денариев, которые он взял в агораномии [26, № 440]. Это типичный пример проявления отношений, связанных с античной формой собственности. На рубеже III—IV вв. с исчезновением институтов античной полисной организации [11, с. 15—16], функции агораномов, очевидно, перешли в руки чиновников во главе с *comes commerciorum* [24, № 11; 26, № 450].

В условиях развитых товарно-денежных отношений важным источником доходов Херсонеса являлись торговые налоги и пошлины. Обычно они находились в ведении агораномов, которые взимали с торговцев пошлину за право торговли на рынке (Ср. Aristoph., Acharn., 896). Кроме агораномов сбор пошлин иногда вели откупщики—*τελωνος* (Ср. Andoc., Orat. de mister, 133—134; Philostr., Vita Apoll., 1, 18; 13, с. 665—668 [26, № 32]).

После включения Херсонеса в состав Византийской империи пошлины стали собирать особые чиновники-практоры, имевшие в городе свое специальное ведомство, *практетон* [15, № 7]. Размеры взимаемых пошлин неизвестны. Возможно, что при их на-

значении сборщики руководствовались обычаем. Однако такая практика должна была вызывать различные злоупотребления и, как следствие, сопротивление торговцев. Поэтому не исключено, что в римский период здесь существовал не дошедший до нас строго регламентированный и установленный народным собранием таможенный тариф.

Внутренней городской торговлей занималось несколько категорий торговцев. В сирийских текстах римского времени они назывались *negotiatores* [18, с. 148]. В какой-то мере к этой категории примыкали хозяева различных специализированных мастерских, сами продававшие свою продукцию (Ср. *Schol. Plat., Pol., 360 e.*) Розничная торговля находилась в руках мелких торговцев, чаще всего известных у античных авторов как *καπηλῶν* [*Schol. Aristoph., Plut., 1155; Plat., Respubl., 371 d; Diog. Laert., VI, 34; Dio Chrys., XXXI, 37*]. По существу они перепродавали товары (Ср. *Aristoph., Thesm., 347; Poll., VII, 12*). Большинство из них являлись торговцами-разносчиками [Athen., II, 55 d; VIII, 358 e; Dio Chrys., LIV, 3]. Нередко они помогали сбывать товары более крупным купцам-оптовикам, владельцам лавок.

Трудно сказать что-либо о наличии в Херсонесе торговой специализации. Очевидно, владельцы мастерских—кузнецы, сапожники, ткачи, пекари и т. п., продавали только то, что они производили. В условиях широких масштабов рыболовного промысла, как правило, существовали продавцы, занимавшиеся только торговлей рыбой (Ср. *Athen., III, 118—120; Poll., VII, 26*). Видимо, были и торговцы, торговавшие овощами и фруктами из окрестных садов.

Ничего не известно о существовании в городе торговых объединений купцов. Мы вынуждены говорить о них предположительно, учитывая, что купцы часто организовывались в коллегии даже для незначительной внутренней торговли [18, с. 148—149]. В Северном Причерноморье известен только фиас купцов-судовладельцев из Горгииппии [13, № 1134]. Безусловно, он не мог быть единственным. Следует заметить, что какие-то союзы-фиасы существовали и в Херсонесе [26, № 425]. Исходя из особенностей экономического развития города, можно предположить, что в подобном объединении были заинтересованы крупные производители и торговцы рыбными продуктами, которые не только обеспечивали ими херсонеситов, но и внешний рынок.

Каково было положение торговцев в обществе? Многочисленные свидетельства античных авторов не оставляют сомнений в том, что отношение к профессиям навклера или купца, особенно мелкого, было довольно пренебрежительным. Однако занятие торговлей еще не являлось признаком низкого социального положения. Торговая прибыль иногда позволяла составить значительные капиталы. Поэтому при всем пренебрежении к профессии торговцев с ними считались, если они были состоя-

тельными людьми и приносили выгоду городу или государству (Ср. Cic. Deoff., 1, 42, 150—151; Тас., Анн., II 87; Plin., Paneg., 29).

В I—III вв. в Херсонесе существовал олигархический строй, когда все магистраты принадлежали к верхушке господствующего класса и составляли очень узкий круг, в который было трудно попасть [11, с. 32—34]. Тем не менее, нам представляется, что среди них был человек, связанный с херсонесской торговлей и вместе с тем сумевший получить одну из важнейших должностей в городе—должность архиерея [21, № 13]. Надо полагать, что еще до того, как занять этот пост, он получил прощение от г. Тия, купцы и судовладельцы которого активно торговали с городами Северного Причерноморья [13, № 705, 732; 26, № 40]. Вероятно, заслуги сына Папия касались, прежде всего, торговых интересов тиян, удовлетворяя которые он получил немалую прибыль. Это не значит, что сын Папия занимался морской торговлей, как считает Э. И. Соломоник, комментировавшая надпись. Он мог быть также местным крупным рыбопромышленником, поставщиком соли, рыбных соусов для тийских купцов или перекупщиком их товаров. Возможно, что известный Теаген, сын Диогена, занимавший некоторые высшие магистратуры, был крупным поставщиком гарума и именно поэтому не пожалел денег для постройки рыбного рынка [9, с. 15; 22, № 112]. Конечно, торговля становилась для них дополнительным подсобным занятием, которое они перепоручали вести наемным работникам или доверенным рабам. Такие рабы-управляющие вполне могла быть в Херсонесе среди прочих категорий рабов. Особенно выгодной считалась их эксплуатация в морской торговле [12, с. 21]. Однако в условиях преобладания мелкого ремесленного производства и сбыта она, очевидно, не находила значительного применения. Профессия купца требовала немалой свободы действий, поэтому чаще торговлей занимались вольноотпущенники. Большинство же херсонесских торговцев, вероятно, были свободными людьми незнатного происхождения.

Таким образом, в первые века н. э. в Херсонесе преобладала мелкая розничная торговля, обслуживавшая широкие массы населения. Продажа товаров в городе осуществлялась на двух рынках, в портовом районе и в отдельных лавках-мастерских. Продавцы и покупатели находились под государственным надзором и платили определенные пошлины. Очевидно, они пользовались услугами менял и ростовщиков. Херсонесские торговцы, занимавшиеся внутренней торговлей, имели разное имущественное и социальное положение. Однако мы не располагаем об этом достоверными фактами и вынуждены говорить предположительно.

Список литературы: 1. Античный способ производства в источниках. — ИГАИМК, 1932, вып. 78. 2. Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе

в 1949 и 1951 г. — Архив ГХМ, д. № 622. 3. Белов Г. Д. Стеклоделение в Херсонесе. — СА, 1965, № 3, с. 237—239. 4. Белов Г. Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе. — КСИА АН СССР, 1969, вып. 116, с. 80—84. 5. Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. — Архив ГХМ, д. № 1842. 6. Гилевич А. М. Нумизматическое собрание музея. — Сообщения Херсонесского музея, вып. 1. — Симферополь, 1965, с. 57—62. 7. Иванов Г. Градоустройство през римската и късноантична епоха в Бългрия. — Археология, кн. 4. — София, 1967, с. 10—29. 8. Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. — ИАК, вып. 9. СПб, 1904, с. 1—62. 9. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1970. — 163 с. 10. Кадеев В. И. Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е. — УІЖ, 1971, № 9, с. 23—31. 11. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в I в. до н. э. — III в. н. э. — Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1975. — 40 с. 12. Казакевич Э. Л. О рабах-агентах в Афинах. — ВДИ, 1961, № 3, с. 3—21. 13. Корпус боспорских надписей. — М. — Л.: Наука, 1965. — 951 с. 14. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. — ИАК, вып. 4. СПб, 1902, с. 51—119. 15. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб, 1896, с. 144. 16. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., т. 25, с. 551. 17. Пятыхева Н. В. Раскопки ГИМ в Херсонесе в 1948 гг. — В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: 1974, с. 72—86. 18. Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 263 с. 19. Раскопки в Херсонесе. — ОАК за 1891 г. СПб, 1893, с. 3—24. 20. Сергеев М. Е. Помпей. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 315 с. 21. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К.: Наук. думка, 1964. — 195 с. 22. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К.: Наук. думка, 1973. — 282 с. 23. Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. — В кн. Археология и история Боспора, т. II. Симферополь, 1962, с. 7—236. 24. Шангин А. М. Некоторые надписи Херсонесского музея. — ВДИ, 1938, № 3(4), с. 72—87. 25. Caillemer E. Agoranomoi. — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. — Ed. par Mm. Ch. Daremberg, Edm. Saglio et Edm. Pottier, t. 1. — Paris, 1877. — 155 p. 26. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, v. I. — Petropoli, 1916. — 594 s. 27. Heichelheim F. M. Römische-Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. — Von der Römischen Weltreich und Christentum. — Bern, 1956. — 711 s. 28. Huvelin P. Mercator. — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. 111. — Paris, 1904, p. 1731—1736. 29. Mocsy A. Pannonia and Upper Moesia. — London — Boston, 1974. — 453 p. 30. Wiegand Th., Schrader H. Priene. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895—1898. — Berlin, 1904. — 276 s.

Поступила в редколлегию 12.11.79

В. А. ЛАТЫШЕВА

О РОЛИ ДИНАМИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НА БОСПОРЕ ПОЛЕМОНА

Одним из неясных и вместе с тем важных вопросов боспорской истории конца I в. до н. э. является вопрос о роли Динамии в период правления Полемона. Известно только, что Динамия по решению Августа становится женой Полемона (Strab., XII, 3, 29). Разделяла ли она с ним власть, была ли отстранена от управления или вообще вскоре умерла, как полагают некоторые исследователи [20, с. 51; 14, с. 101; 6, с. 110], в источниках не указано.

Между тем в литературе высказывались различные предположения. Одно время было довольно распространенным мнение о том, что Динамия умерла вскоре после вступления в брак с Полемоном. Основанием послужило свидетельство Страбона (XII, 3, 29) о новом браке Полемона и его женитьбе на Пифодориде*. Известно, что от этого брака у Пифодориды было трое детей**. Учитывая последнее обстоятельство, а также то, что к 8 г. до н. э. Полемон уже был убит [14, с. 103; 19, с. 49], брак его на Пифодориде мог иметь место не позднее 13—12 гг. до н. э. [16, с. 4—6; 18, с. 13]. К этому времени, как полагали многие исследователи, Динамии уже не было в живых [20, с. 51; 11, с. 173; 21, с. 74; 14, с. 101; 1, с. 190; 16, с. 4—6; 5, с. 88—91; 6, с. 110; 22, с. 202]. Вместе с тем другие исследователи допускали, что Динамия не умерла, но при Полемоне была временно отстранена от управления, а после его смерти снова стала единоличной правительницей Боспора [24, с. 594, 601]. Аргументы в пользу этой точки зрения были высказаны в свое время М. И. Ростовцевым [18, с. 14—19]. Проанализировав надписи с именем Динамии, М. И. Ростовцев считает, что их общий тон, усиленное прославление Августа и Ливии плохо согласуются с пребыванием на Боспоре римского ставленника, лишившего Динамию законных прав на Боспор. По мнению этого автора, указанные надписи уместнее связывать с периодом самостоятельного правления Динамии, для которого М. И. Ростовцев отводит время после смерти Полемона с 8 г. до н. э. по 7 г. н. э. [18, с. 15]. Обоснование для такого построения он ищет и в нумизматическом материале: в это время на Боспоре выходят статеры с монограммой [9, с. 191, табл. XLIV, 15], в которой М. И. Ростовцев вслед за Т. Моммзеном и А. Заллетом предлагает читать сокращенное имя Динамии [18, с. 15].

Приведенная аргументация принята многими современными исследователями. Большинство из них полагает, что единоличное правление Динамии, прерванное появлением сначала Скрибония, а затем Полемона, продолжалось после смерти последнего вплоть до 8 г. н. э. [10, с. 66; 4, с. 316; 9, с. 191; 7, с. 134; 2, с. 174].

Подного единодушия по этому вопросу нет. Так, Е. С. Голубцова, разделяя в целом доводы М. И. Ростовцева, вместе с тем считает, что надписи Динамии, относимые последним ко второму периоду самостоятельного правления Динамии (8 г. до н. э.—8 г. н. э.), с не меньшим основанием можно приурочить и к первому периоду ее правления, т. е. к 17—15 гг. до н. э. [6, с. 86—87, 102], когда на Боспоре не было еще ни Скрибония, ни Полемона. Этим временем, по мнению Е. С. Голубцовой, следует ограничить единоличное правление Динамии на Боспоре [6, с. 101]. К этому же периоду, правда, без всякой мотивировки относит рассматриваемые надписи А. С. Коциевский [13, с. 97].

Таким образом, смысл и хронологическая принадлежность надписей с именем Динамии определяются исследователями по-разному: одни относят их к 17—15 гг. до н. э., когда Полемона еще не было на Боспоре, другие—к моменту вступления Динамии в брак с Полемоном (14—8 гг. до н. э.), третьи—после смерти Полемона (8 г. до н. э. — 8 г. н. э.).

Мнение о том, что надписи относятся к 17—15 гг. до н. э., нам представляется наименее вероятным. Во-первых, этой датировке противоречит общий тон надписей: проявление в них столь подчеркнутого сервиллизма по отношению к Риму плохо согласуется с теми реальными взаимоотношениями между Боспором и Римом в этот период, которые вырисовываются из других, хорошо датированных источников. Вспомним, что после неудачной попытки посадить на боспорский престол Митридата Пергамского (Strab., XIII, 4, 3), римляне на протяжении всего периода правления Асандра не предприняли никаких активных действий для вмешательства во внутренние дела Боспора. Нумизматический и эпиграфический материал этой эпохи не несет на себе никаких следов зависимости [9, с. 189, табл. XLIV, 5, 6].

Эта же линия во взаимоотношениях между Боспором и Римом продолжается и сразу после смерти Асандра. Об этом убедительно свидетельствует золотой статер Динамии, помеченный 281 г. б. э. (17 г. до н. э.), с портретом этой правительницы, ее полным именем и царским титулом, без всяких намеков на римских политических деятелей. Неоднократное подчеркивание Динамией своего происхождения, возрождение памяти о Митридате, смертельном враге Рима, позволяют говорить скорее о независимой политике Динамии, чем о ее «сервиллизме» или «лояльности по отношению к империи и Августу» [13, с. 97].

Во-вторых, обращает на себя внимание слишком большое несоответствие между количеством дошедших надписей с именем Динамии [КБН, №№ 30, 31, 978, 979, 1046] и столь ограниченным отрезком времени, который для них отводится (17—15 гг. до н. э.).

Наконец, время составления одной из рассматриваемых надписей, где упоминается народ агриппийцев (КБН, № 979), вообще не укладывается в хронологические рамки 17—15 гг. до н. э. Она могла появиться не ранее 14 г. до н. э., после прибытия Полемона на Боспор, когда Фанагория была переименована в Агриппию.

Что касается возможности отнести эти надписи ко времени после смерти Полемона, то эта попытка, как уже отмечалось выше, не лишена вероятности. Вместе с тем, если рассмотреть надписи с учетом их местонахождения, на что до сих пор не обращалось внимания, то может, как нам кажется, представиться еще одна возможность для понимания их смысла, уточнения датировки, а также для выяснения роли Динамии в политической жизни Боспора в рассматриваемый период. В этой связи инте-

ресно отметить, что значительная часть надписей с именем Динамии найдена на азиатском Боспоре, в районе Фанагории. Отсюда происходит надпись [КБН, № 979-ОАК, 1860, с. 104], представлявшая собой постамент для статуи Динамии. Другая надпись с именем этой царицы [КБН, № 978] тоже найдена в районе городища Фанагории (б. хут. П. Семеняки, см. комментарий к № 978, КБН, с. 558). Происхождение надписи КБН, № 1046 связывается опять-таки с Фанагорией [15, с. 52] или расположенной рядом Гермонассой [КБН, с. 605, комментарий к № 1046]. Интересно отметить, что две последние надписи составлены от имени самой Динамии. С другой стороны, надпись, найденная в Керчи в 1957 г. [КБН, № 31], свидетельствует о том, что посвящение Афродите Урании, владычице Апатура, было сделано не самой Динамией, а от ее имени — $\upsilon\lambda\epsilon\omicron\upsilon\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\iota\sigma\sigma\eta\varsigma \Delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\epsilon\omicron\varsigma$ — Мироном и его женой Кириеной. Культ упоминаемой в надписи Афродиты Урании, владычицы Апатура, тесно связан с Фанагорией [Strab., XI, 2, 10; КБН, №№ 971, 972; 12, с. 104—108; 23, с. 137—141; 17, с. 210—213].

Таким образом, большинство надписей с именем Динамии группируется в районе Фанагории или же связано с ней косвенным образом. Это обстоятельство позволяет, как нам кажется, высказать предположение о том, что в период правления Полемона Динамия могла находиться в Фанагории. Общий ход событий, связанных с таким допущением, можно представить себе следующим образом.

В 14 г. до н. э. Рим, воспользовавшись удачной ситуацией, силой навязал Боспору своего ставленника в лице Полемона (Dio Cass., IV, 24). По решению Августа Полемон женился на единственной законной наследнице боспорского престола Динамии. Таким образом Рим рассчитывал укрепить положение своего ставленника. Однако, по всей вероятности, этот брак не был ни прочным, ни продолжительным. Не прошло и двух лет, как Полемон вступил в новый брачный союз — он женился на Пифодориде не позднее 13—12 гг. до н. э. Полагать, что Динамия к этому времени умерла, значит относить все надписи с ее именем к 17—15 гг. до н. э., что вряд ли допустимо по причинам, изложенным выше. Если же принять во внимание местонахождение и характер надписей, то естественно допустить, что Динамия не только не умерла, а, удалившись на азиатский Боспор, сделала своей резиденцией Фанагорию. Судя по надписям, найденным в этом районе, Динамия сохранила за собой царский титул. Трудно более определенно говорить о характере взаимоотношений между Динамией и Полемоном в этот период. Можно только предполагать, что Динамия, сохраняя царский титул, формально все-таки должна была признавать верховную власть Полемона. Однако не исключено, что в этих условиях Фанагория пользовалась некоторой автономией, санкциониро-

ванной Римом. Вероятность такого предположения подсказывается опытом событий совсем недавнего прошлого.

Напомним, что Фанагория имела перед Римом определенные заслуги. В 63 г. до н. э. город первый восстал против Митридата VI Евпатора, подав таким образом сигнал к выступлениям других городов [Арр., XII, 108]. За это Рим даровал Фанагории автономию, в то время, как власть над остальным Боспором была передана Фарнаку. Предоставление городу автономии явилось не только своеобразным поощрением, но и проявлением традиционной римской политики *divide et impera*.

В новых условиях, когда Риму, вопреки воле боспорцев, удалось навязать последним своего ставленника, Фанагория могла выговорить для себя право на некоторую автономию. Это особенно вероятно ввиду непрочности позиции Полемона на Боспоре. Считаясь с реальным положением вещей, принимая во внимание непопулярность Полемона и авторитет Динамии, Рим мог пойти на разделение власти между ними. Сочетание методов грубого вмешательства с отдельными уступками — одно из характерных проявлений римской политики на Востоке.

Помимо общих соображений, вытекающих из анализа римской политики, можно привести и некоторые вполне конкретные материалы, свидетельствующие об особом положении Фанагории среди других городов Боспора. Показательно прежде всего то, что Фанагория при Полемоне имела собственную монетную чеканку [9, с. 193, табл. XLV, 14], будучи единственным на Боспоре городом, который наряду с Пантикапеем пользовался таким правом. Вполне возможно, что в какие-то периоды Фанагория имела и право непосредственных контактов с Римом [4, с. 340]. Об этом позволяет судить любопытная надпись на мраморном сосуде, найденном в 1852 г. в Риме на Аппиевой дороге в гробнице рабов императора Августа [II, с. 197, 415, 418; 24, с. 613]. Она сообщает, что в сосуде покоится прах Идика, сына Эвода, посла фанагорийцев в Боспоре, и Аспурга, сына Биомаса, боспорца, переводчика сарматов.

Таким образом, мы склонны полагать, что в период пребывания на Боспоре Полемона Динамия находилась в Фанагории и официально, с санкции Рима, пользовалась определенной самостоятельностью по отношению к центральной власти на Боспоре. Обеспечив для себя некоторую независимость, Динамия вполне дипломатично именуется *φιλοφρωνος* и возводит статую с посвятельными надписями в честь Августа и его супруги Ливии. Так, на наш взгляд, можно представить себе историческую обстановку на Боспоре в период правления Полемона и, в частности, объяснить роль Динамии, а также возможность появления в этот период надписей с ее именем.

С этой точки зрения более убедительную интерпретацию получает одна из надписей [КБН, № 979], найденная в Фанагории. Она представляет собой постамент для статуи Динамии,

которую таким образом решил почтить народ агриппийцев. Упоминание в надписи народа агриппийцев позволяет датировать ее временем правления на Боспоре Полемона, когда Фанагория была переименована в Агриппию. Между тем Полемон в надписи не упомянут. Агриппийцы почтили одну Динамию, назвав ее своей спасительницей и благодетельницей. В литературе это обстоятельство нередко объясняется непопулярностью римского ставленника и авторитетом Динамии среди боспорского населения [6, с. 107]. Нам представляется, что смысл надписи можно лучше понять, если учесть высказанное ранее предположение о пребывании Динамии в Фанагории—Агриппии и о некоторой независимости города по отношению к центральной власти на Боспоре. Жители Фанагории, избавленные от непосредственной опеки всем ненавистного на Боспоре римского ставленника, с благодарностью почтили Динамию как свою спасительницу и благодетельницу. С этой точки зрения отсутствие в надписи намек на Полемона, как и особая благодарность агриппийцев в адрес Динамии, не должны вызывать недоумения. Интересно также отметить особый акцент, с которым подчеркивается происхождение Динамии—*την ἐκ βασιλέως μεγάλου Φαργαχού* *ιου ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιθράδατου Ευλατορος Διονυσίου*. В данном случае не последнюю роль, как нам кажется, сыграло стремление Динамии подчеркнуть законность своих прав на боспорский престол, т. е. то, чем не располагал Полемон, будучи правителем Боспора. Ущемленная в своих правах, Динамия, естественно, имела достаточно оснований, чтобы быть недовольной пребыванием Полемона на боспорском престоле. Надо полагать, что в этих условиях она постарается использовать всякое недовольство римским ставленником в интересах полного восстановления своей власти на Боспоре. Характерно, что знамя борьбы против Полемона было поднято именно на азиатской стороне Боспора [Strab., XI, 2, 3]. Здесь же был убит и сам Полемон так называемыми аспургиянами [Strab., XII, 3, 29], жившими между Фанагорией и Горгиппией [Strab., XI, 2, 11], т. е. в непосредственной близости от предполагаемой резиденции Динамии.

Приведенные факты делают еще более вероятным высказанное предположение о пребывании Динамии в Фанагории в период правления на Боспоре Полемона. Есть также достаточные основания предполагать, что Динамия не стояла в стороне от антиримских выступлений на Боспоре, более того, она являлась их вдохновительницей, а аспургиане, убившие Полемона, были в числе ее реальных союзников.

Список литературы: 1. Бергье-Делагард А. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. — 300, т. XXIX. — Одесса. 1911, с. 117—262. 2. Болтунова А. И. К надписи IOSPE, П, 400. — ВДИ, 1954, № 1, с. 168—176. 3. Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном бе-

регу Черного моря. Ч. I. — Одесса, 1884.—240 с. 4. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.—622 с. 5. *Голубцова Е. С.* Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже н. э. — ВДИ, 1949, № 4, с. 87—98. 6. *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим. — М.: Изд-во АН СССР, 1951.—134 с. 7. *Горемыкина В. А.* Из истории Боспора Киммерийского I в. до н. э. — Уч. зап./Могилевский пед. ин-т, 1956, вып. II, с. 119—141. 8. *Дьяков Н. В.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье. — ВДИ, 1940, № 3—4, с. 71—88. 9. *Зограф А. Н.* Античные монеты. — МИА СССР, № 16. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951.—264 с. 10. *Каллистов Д. П.* Политика Августа и Северное Причерноморье. — ВДИ, 1940, № 2, с. 65—77. 11. *Кене Б.* Описание музея кн. В. В. Кочубея. — СПб., 1857, т. П. — 452 с. 12. *Иванова А. П.* К вопросу о культе Афродиты на Боспоре. — ВДИ, 1950, № 3, с. 104—109. 13. *Коцевский А. С.* О нумизматической стороне одного важного издания. — ВДИ, 1952, № 3, с. 96—100. 14. *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства. — Повтiка. СПб., 1909, с. 60—128. 15. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895—1898 гг. — МАР, 1899, № 23, СПб. — 76 с. 16. *Орешиников А.* Пифодорида и ее род в Понтийском царстве. — ИТУАК, № 34, 1902, с. 1—17. 17. *Розанова Н. П.* К вопросу о местонахождении Апатура. — ВДИ, 1951, № 2, с. 210—213. 18. *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа. — Древности, т. XXV. — М., 1916, с. 1—31. 19. *Ростовцев М. И.* Медь Динамии и Аспурга. — ИТУАК, 1918, № 54, с. 47—58. 20. *Сабатье П. П.* Керчь и Боспор. — СПб., 1951, с. 24—35. 21. *Сибирский А.* Гипотеза о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления. — 300, т. X. — Одесса, 1877, с. 14—43. 22. *Тарасенко В. С.* Политическая история Боспорского государства в I в. до н. э. и в I в. н. э.: Диссерт. канд. ист. наук. — Калинин, 1949. — 258 с. 23. *Харко Л. П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. — КС ИИМК, вып. XIII. — М., 1946, с. 137—141. 24. *Minns E.* Scythians and Greeks. — Cambridge, 1913. — 720 p.

Поступила в редколлегию 16. 11. 79.

С. И. БЕРЕСТНЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ УКРАИНЫ

Вот уже более семидесяти лет срубная культура привлекает внимание исследователей. Длительность существования, огромная территория распространения, высокий для бронзового века уровень развития производительных сил, позволявший успешно осваивать разные природно-климатические зоны, ставили срубную культуру в ряд самых значительных явлений эпохи поздней бронзы и начала раннего железа. Одним из важных и территориально обширных районов распространения племен срубной культуры, наряду с Поволжьем, Подоньем и Северным Причерноморьем, является левобережная лесостепь Украины*. Срубные памятники на этой территории малоизучены. В статье рассматривается состояние источников и историография вопроса по данной теме.

* К левобережной лесостепи Украины в современном административно-территориальном делении относится и лесостепная часть бассейна Северского Донца в пределах Харьковской обл.

Принципиальное значение имеет определение южной границы лесостепной зоны, поскольку речь идет о правомерности отнесения тех или иных памятников к этому региону. По данным споро-пыльцевого анализа в эпоху среднего голоцена по геологической периодизации, в рамки которого укладывается эпоха бронзы [1, с. 18] граница лесостепи от Днепра проходила по южным районам Полтавской обл. Примерно на широте г. Изюма она пересекала Харьковщину и восточнее р. Оскол поднималась к Воронежской обл. [2, с. 26, 67, 71]. К природно-климатическим факторам, создающим лесостепной микроклимат в степи, следует также относить пойменные леса, занимающие долины рек Северский Донец и Ворскла.

Исследования памятников эпохи поздней бронзы в левобережной лесостепи были начаты в конце прошлого — начале нынешнего века в значительной степени благодаря регулярно проводившимся Археологическим съездам, вызвавшим повышенный интерес к отечественным древностям. Одним из первых археологов, работавших в этом регионе, был Н. Е. Бранденбург, которого привел сюда интерес к погребениям «со скорченными и окрашенными костяками» [3]. В то же время на р. Красной курганные могильники исследовал Е. П. Трефилев [4], Ворскле — Е. Н. Мельник [5], Сев. Донце — Ю. В. Готье [6], Мерле — В. Е. Данилевич [7] и Д. И. Багалея [8]. Д. И. Багалея одним из первых стал отмечать не только погребальные, но и бытовые памятники — остатки поселений, клады и случайные находки [9]. В Изюмском уезде широкие исследования курганных могильников проводил В. А. Городцов [10]. Значительная часть раскопанных им курганов относится к южным районам лесостепи.

В 20—30-е годы на карту распространения срубных памятников начали наносить и поселения. В основном это связано с разведочной деятельностью А. С. Федоровского [11], Н. В. Сибилева [12], Н. Я. Рудинского [13], А. А. Потапова и И. Н. Луцкевича [14]. Только после Великой Отечественной войны начались более широкие исследования, связанные с усилением интереса археологов к эпохе бронзы и раннему железному веку. В это время И. П. Костюченко описал ряд поселений срубной культуры на реках Сев. Донец и Большая Бабка и даже выделил типы керамики по данным подъемного материала [15]. И. Ф. Левицкий, исследовав многослойное поселение у г. Мерёфы, впервые попытался дать характеристику срубной культуре на местном материале [16]. Анализируя находки из срубного горизонта, И. Ф. Левицкий пришел к выводу о наличии материала, переходного от позднесрубного к раннескифскому, отнеся к нему керамику бондарихинской культуры. Таким образом, генетическая связь лесостепных культур скифского времени с предшествующей срубной считалась установленной. Однако метод исследования, при котором ма-

териал добывался не в результате раскопок, а подбирался при земляных работах в зоне строительства автодороги, привел к неточности стратиграфических наблюдений и механическому смешению материалов разных эпох. Это не позволяет отнестись с доверием к выводам автора.

В 50—60-х годах, в связи со строительством водохранилищ и оросительных сооружений, проводились широкие разведочные работы в зонах новостроек: на реках Сев. Донец [17], Оскол [18], Мерла [19], Уды [20] и др. Комплексные экспедиции исследовали бассейны рек Ворскла и Псел [21]. В 1957 г. В. Д. Дяденко опубликовал материал из разрушенного погребения срубной культуры у с. Речки в бассейне р. Сейма [22]. По всей вероятности, к срубной культуре следует отнести некоторые погребения курганного могильника в пос. Белые берега на р. Снежить — притоке Десны, раскопанного И. И. Артеменко [23]. Принадлежность погребений к срубной культуре подтверждается формой и размерами погребальных сооружений, их ориентировкой и, главное, погребальным инвентарем, представленным типичными для срубников баночными сосудами, украшенными палочными насечками под венчиком [23, с. 188, рис. 2, 2—3, 5—7]. Не противоречит нашему предположению и зафиксированный в могильнике обряд трупосожжения; установлено, что срубники в некоторых случаях кремировали покойников [24]. В это время разведки и небольшие раскопки срубных поселений производили Е. В. Пузаков на Сев. Донце [25], Б. А. Шрамко на Осколе [26] и В. П. Андриенко в верховьях р. Мерла [27]. Определенное значение для уточнения относительной хронологии культур позднего бронзового века в лесостепи имеют раскопки Б. А. Шрамко срубного поселения у с. Любовка на р. Мерла. Анализируя полученный материал, он пришел к выводу, что на рубеже II—I тыс. до н. э. срубники непосредственно контактировали с населением бондарихинской культуры [28, с. 20]. В последние годы Б. А. Шрамко исследовал позднесрубные поселения Веселое и Голубовка — IV на р. Великий Бурлук [29, с. 303—304]. К сабатиновскому времени относится поселение Поляны на р. Сев. Донец, раскопанное В. Е. Радзиевской [30]. Несколько курганов, содержащих погребения срубной культуры, исследовал В. Г. Бородулин в пределах г. Харькова [31, с. 301—302]. В 1977—1979 гг. нами производились раскопки срубного поселения в урочище Таранцево на р. Мжа, где удалось выделить два хронологических горизонта: ранне- и позднесрубный. Большое значение имеет тот факт, что позднесрубный поселок, возникший в белозерское время, продолжал существовать до рубежа VIII—VII вв. до н. э., а возможно, и в начале VII в. до н. э. Верхняя хронологическая граница надежно устанавливается благодаря находке литейной формочки с негативом крестообразного украшения, подобные которому

бытовали в VIII — первой половине VII вв. до н. э. [32, с. 301—302; 33]. Были также обнаружены поселения срубной культуры в верхнем течении р. Ворскла [32, с. 302].

Заканчивая краткий обзор полевых исследований памятников срубной культуры в левобережной лесостепи, следует отметить, что, несмотря на определенный сдвиг, наметившийся в последние годы, систематическое изучение срубных памятников на этой территории не производилось. Большая часть полученных материалов так и не была введена в научный оборот. Вполне естественно, что состояние источников отразилось на общей разработке вопросов развития срубной культуры в левобережной лесостепи Украины. Наиболее исследованным оказался бассейн Сев. Донца, и поэтому большинство археологов, в той или иной связи касавшихся истории срубного населения в лесостепи, строили свои выводы на основе крайне ограниченного местного материала. Причем никто из них не рассматривал лесостепное левобережье как особый регион распространения срубных памятников. В середине 50-х гг. к этой территории обратилась О. А. Кривцова-Гракова в своей обобщающей работе, посвященной исследованию срубных памятников на всей территории их распространения, где срубникам Подонья (к последнему О. А. Кривцова-Гракова относила и бассейн Сев. Донца) посвящен особый раздел. Проанализировав известный ей материал, она высказала предположение, что в лесостепной части бассейна Сев. Донца срубники появились не ранее последней четверти II тыс. до н. э. Отметив некоторые особенности лесостепных памятников, она совершенно справедливо объяснила их влияние инोकультурного окружения, с которым столкнулись племена срубной культуры, продвинувшиеся в глубинные районы лесостепи [34, с. 111]. В работе О. А. Кривцовой-Граковой неоднократно указывалось на глубокое проникновение срубных племен в лесостепь, но твердо отстаиваемая ею генетическая связь срубной культуры с полтавkinской культурой Нижнего Поволжья не позволяет трактовать это явление иначе, как простое расселение срубников. Эти позиции оставались непоколебленными вплоть до недавнего времени. А. И. Тереножкин, разработавший хронологию ряда культур эпохи поздней бронзы, в том числе и срубной, также сближал срубное население Подонья и Сев. Донца. Он установил, что на этой территории срубная культура прекратила свое существование не позднее конца IX в. до н. э. [35, с. 72]. В. А. Ильинская, не разрабатывавшая специально срубную проблему, тем не менее касалась вопроса о населении левобережной лесостепи в эпоху средней — поздней бронзы. По ее мнению, в этом регионе существовали, последовательно сменяя одна другую, генетически связанные марьяновская, малобудковская и бондарихинская культуры, причем две последние достигали южных пределов лесостепи и даже проникали в степную

зону [36, с. 44]. Таким образом, по ее схеме, для населения срубной культуры в лесостепи не оставалось места. Недавно В. А. Ильинская высказала мнение, что лесостепь вообще не входила в ареал распространения срубных племен, которые на Сев. Донце не дожили до начала белозерского времени, т. е. до XI в. до н. э. [37, с. 83—84]. К подобным выводам пришел и Н. Н. Чередниченко, исследовавший срубные памятники в Подонье. Он считает, что на Дону и Донце срубные племена существовали только в покровское и сабатиновское время, причем сабатиновские памятники в лесостепи «встречены в ограниченном количестве» и более тяготеют к степной части данного региона; белозерские же памятники здесь полностью отсутствуют [38, с. 7]. В позднесрубное время племена срубной культуры покинули лесостепные районы и сконцентрировались в пределах степных пространств между Нижним Доном и Днепром [38, с. 36]. Тем самым логически завершена мысль О. А. Кривцовой-Граковой о степном, скотоводческом характере хозяйства срубников, при котором их проникновение в лесостепь было временным явлением и не изменило традиционного уклада хозяйства.

А. И. Тереножкин, занимавшийся разработкой киммерийской проблемы, пришел к выводу, что легендарных киммерийцев можно отождествить с племенами срубной культуры на черноморской и новочеркасской стадиях ее развития. В сводке погребений и находок вещей киммерийского времени он привел ряд пунктов с территории левобережной лесостепи, где были сделаны подобные находки [39, с. 69]. Но позиция автора по данному вопросу вполне определяется его выводом о переходе позднейшего срубного населения от земледельческо-скотоводческого хозяйства к чисто скотоводческому, кочевому [39, с. 199]. С принципиально иных позиций подходит к характеристике хозяйства племен срубной культуры Б. А. Шрамко. Анализируя раннескифский материал с территории лесостепи, он заметил, что в культуре населения скифского времени явно прослеживается ряд срубных реминисценций, которые нельзя объяснить простым совпадением. Б. А. Шрамко высказал предположение, что какая-то часть срубных племен дожила в левобережной лесостепи до начала VII в. до н. э. и, в качестве одного из компонентов, участвовала в генезисе культур скифского времени на этой территории [40, с. 160].

В последнее время позиция об особом пути развития лесостепных срубных племен активно отстаивается Н. К. Качаловой. Сопоставив материалы лесостепных и степных поселений, она отметила, что уже на раннем этапе развития культуры наблюдались существенные различия в керамическом производстве обеих групп. Поскольку эти различия не могли сложиться в короткий промежуток времени, она сделала вывод, что сводить образование срубной культуры к простой эволюции пол-

тавкинской будет упрощением, так как речь идет о наличии двух достаточно развитых хозяйственных укладов: земледельческого и скотоводческого. Оба уклада не могли одновременно сложиться в недрах степной полтавкинской культуры. Следовательно, формирование срубной культуры происходило на широких пространствах степного и лесостепного Поволжья и предполагало участие в этом процессе разных групп населения [41, с. 18]. Эти положения подкрепляются и анализом погребального обряда. Указывая на пространственную протяженность лесостепной зоны, Н. К. Качалова считает возможным выделить в рамках лесостепного региона три территориальных варианта срубной культуры: северо-восточный, среднедонской и северо-западный, из которых последний соответствует левобережной лесостепи [42, с. 24]. Таким образом, некоторые различия в материальной культуре степных и лесостепных племен срубной культуры могут быть объяснены, прежде всего, различиями хозяйственных укладов: преимущественно земледельческого в лесостепи и преимущественно скотоводческого — в степи. На этих же позициях стоят Н. Я. Мерперт и А. Д. Пряхин, считающие, что ландшафтно-климатические и почвенные особенности лесостепи «способствовали становлению здесь своеобразной отличной от степной модели (моделей?) хозяйства срубного населения» [43, с. 11].

Нетрудно заметить, что практически отсутствуют работы, посвященные характеристике лесостепных срубников. Исследователи высказывали свои суждения в основном по аналогии с соседними, лучше изученными территориями, крайне мало, по указанным причинам, используя местный материал. Подобный путь исследования нельзя признать единственно правильным. Первоочередная задача изучения лесостепных племен срубной культуры состоит, на наш взгляд, в расширении масштабов полевых исследований на всей территории лесостепи, а обобщении и систематизации уже имеющихся данных.

Список литературы: 1. *Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене.—М.: Наука, 1957.—403 с. 2. *Артюшенко А. Т.* Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде.—К.: Наук. думка, 1970.—173 с. 3. *Бранденбург Н. Е.* Журнал раскопок с 1886 по 1902 г., издал Н. Печенкин.—СПб, 1908.—280 с. 4. *Трефилев Е. П.* Археологическая экскурсия в Кулянский уезд Харьковской губ. летом 1901 г.—Тр. XII АС, т. I.—М., тип. Лисснера и Собко, 1905, с. 131—140. 5. *Мельник Е. Н.* Раскопки курганов в Харьковской губернии летом 1900—1901 гг.—Тр. XII АС, т. I.—М., тип. Лисснера и Собко, 1905, с. 673—743. 6. *Готье Ю. В.* Доклад о раскопках 1901 г. в окрестностях с. Каменки Харьковской губернии, Изюмского уезда.—Древности. тр. МАО, т. XIX, 1902, вып. III, с. 58—71. 7. *Данилевич В. Е.* Дневник раскопок курганов около хутора Покровского Валковского уезда, Харьковской губернии.—Тр. XIV АС, т. 3.—М., тип. Лисснера и Собко, 1911, с. 1—136. 8. *Багалей Д. И.* Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г.—Тр. XIII АС, т. I.—М., тип. Мамонова, 1907, с. 113—201. 9. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии.—Тр. XII АС, т. I.—М., тип. Мамонова, 1905, с. 1—92. 10. *Городцов В. А.* Ре-

зультаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.—Тр. XII АС, т. I.—М., тип Лисснера и Собко, 1905, с. 171—225. 11. *Федоровский О. С.* Харківський археологічний музей та його науково-дослідні праці.—Наука на Україні. Бюлетень Укрнауки, 1926, № 1, с. 44—48. 12. *Сібільов М. В.* Старовинності Ізюмщини. Вип. IV.—Харків, 1930.—46 с. 13. *Рудинський М. Я.* Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник № 1.—Полтава, 1928.—34 с. 14. *Матеріали* хранятся в ХИМЕ. Частично опубликованы О. А. Кривцовой-Граковой. См. 34. 15. *Костюченко И. П.* Разведка в северо-восточной части Харьковской области.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. 1. 186.—8 с. *Левицкий И. Ф.* Мерещанское поселение.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. I. 051.—82 с. 17. *Телегин Д. Я., Пузаков Е. В., Михеев В. К.* Отчет о разведке археологических памятников в зоне строительства Печенежского водохранилища на р. Сев. Донец.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. 3464.—19 с. 18. *Либеров П. Д.* Разведки в пойме р. Оскол.—КСИА, вып. 83.—К.: Наук. думка, 1961, с. 91—99. 19. *Шрамко Б. А.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства водохранилищ и канала на р. Мерла.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. 4124.—48 с. 20. *Пузаков Е. В.* Отчет о разведках ХГИМ в бассейне Сев. Донца.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. 1065.—48 с. 21. *Ильинская В. А.* Некоторые вопросы генезиса южновской культуры.—СА, 1969, № 2, с. 85—101. 22. *Дяденко В. Д.* Сліди зрубної культури біля с. Річки, Сумської обл.—Археологія, т. X.—К.: Наук. думка, 1957, с. 154—155. 23. *Артеменко И. И.* Могильник эпохи бронзы в пос. Белые Берега Брянской области.—Памятники древнейшей истории Евразии.—М.: Наука, 1975, с. 186—191. 24. *Ковальова І. Ф., Вовкобой С. С.* Маївський локальний варіант зрубної культури.—Археологія, 20.—К.: Наук. думка, 1976, с. 3—21. 25. *Пузаков Е. В.* О периодизации памятников эпохи бронзы в бассейне Сев. Донца (к постановке проблемы).—МАСП, вып. 4.—Одесса, 1962, с. 192—206. 26. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца.—Харьков: изд-во Харьк. ун-та, 1964.—390 с. 27. *Андрієнко В. П.* Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской и Полтавской областей.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. 1071.—26 с. 28. *Шрамко Б. А.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской области.—Науч. архив ИА АН УССР, фонд эксп. 1174.—34 с. 29. *Шрамко Б. А.* Работы на новостройках Харьковской области.—АО 1977 г. М., 1978.—с. 303—304. 30. *Радзиевская В. Е.* Работы на территории Харьковской области.—АО 1974 г.—М., 1975, с. 332. 31. *Бородулин В. Г.* Исследования Харьковского исторического музея.—АО 1977 г.—М., 1978, с. 303. 32. *Берестнев С. І.* Поселення зрубної культури на Харківщині.—Вісн. Харк. ун-ту, 1979, № 182. Історія, вип. 11.—с. 91—96. 33. *Берестнев С. И.* Работы левобережной лесостепной экспедиции.—АО 1978 г.—М., 1979, с. 301—302. 34. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы.—МИА, 46.—М., 1955.—164 с. 35. *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода.—СА, 1965, № 1, с. 63—85. 36. *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века.—СА, 1961, № 1, с. 26—45. 37. *Ильинская В. А.* Может ли Бельское городище быть городом Гелон.—В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977, с. 73—95. 38. *Череди́ченко Н. Н.* История срубных племен Подонья (XV—IX вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—Киев, 1971.—38 с. 39. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.—Киев: Наук. думка, 1976.—215 с. 40. *Шрамко Б. А.* Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України.—Питання історії народів СРСР, 1972, вип. 14, с. 153—163. 41. *Качалова Н. К.* Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры.—АСГЭ, вып. 16.—Л.: Аврора, 1977, с. 5—18. 42. *Качалова Н. К.* О локальных различиях лесостепной срубной культуры.—АСГЭ, вып. 18.—Л.: Аврора, 1974, с. 23—28. 43. *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь.—В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи.—Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1979, с. 7—24.

Поступила в редколлегию 16. 11. 79.